

XX 2457
147**Эгонок**Рис
65/62**НАШ ГОРЬКИЙ**

12 (24) сентября 1892 года в тифлисской газете „Кавказ“ был напечатан первый рассказ А. М. Пешкова — М. Горького — „Макар Чудра“. В течение 35 лет М. Горький в борьбе за раскрепощение трудящегося человечества стал одним из величайших мировых писателей. 35 лет М. Горький идет с нами. Трудящиеся Советского Союза приветствуют Максима Горького и желают видеть его долгие годы в своих победных рядах.

На снимке — М. Горький в Сорренто (Италия) нынешним летом.

Снимок А. Янисона.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

Заем Индустриализации

**ДОЛЖЕН БЫТЬ
У КАЖДОГО
ТРУДЯЩЕГОСЯ
СССР**

Заем Индустриализации выпущен на 200 миллионов руб., сроком на 10 лет. По Займу Индустриализации 4 раза в год разыгрываются выигрыши от 100 рублей до 25.000 рублей на сумму, равную 6% к сумме займа. Всего за 10 лет будет разыграно 734.800 выигрышей на сумму 96.042.000 рублей.

Кроме того, Заем Индустриализации дает 6% годового дохода по купонам. Продажа Займа по выпускному курсу—24 руб. за 25-ти рублевую облигацию, в рассрочку для индивидуальных подписчиков на 4 месяца, а для коллективов на 7 месяцев будет производиться с 1-го октября по 15-е ноября 1927 года всеми кассами Н.К.Ф., центральными банками и филиалами, местными кредитными учреждениями, сберегательными кассами.

Первый тираж выигрышей состоится 28-го декабря с. г.

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ

С фотографиями и рисунками. Сборник. Краткое содержание. Грабители и бандиты. Убийцы. Рецидивисты. Воры. Мошеники. Самогонщики. Криминальные вешалки. „Дети-преступники“. Табуировка в местах заключения.

Цена 3 р. 60 к.

Заказы направлять: Кооперат. издат. „ПРАВДА И ЖИЗНЬ“. МОСКВА 34, ул. Кропоткина 17/1. При высылке денег (или марок) вперед пересылка бесплатна.

ЧЕРЧЕНИЮ легко выучиться по пособиям **А. Д. ДАМИНА.** требуют во всех книж. маг. и от автора. Москва (центр), Покровка 50/4.

Кто хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выпустить новую книгу: „Ораторское искусство“. Приложение: „Искусство спорить и оспаривать“. Составил по сочин. проф. Э. Гейслера, Э. Фрейда, Р. Геринга и др. Высл. по получении 1 р. 20 к. или наложен. плат. на 1 р. 35 к. Адрес: Г. Пенза, абонементам аш. № 30 (тридцатый), издатель Г. Д. Давыдову.

КАКАЯ МОЖЕТ Получить ПОРТРЕТ

на карту 18 × 24—5 рублей; 24 × 30—7 руб., 30 × 40—10 руб., 40 × 50—12 руб., 50 × 60—20 руб. Ровно через 2 недели по получении карточки на адрес: МОСКВА, почт. ящ. 503, или ул. Володарского, № 14. Фотография Н. ПРАСЛОВА. Заказы высл. налож. платеж.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ „ГОТОВЬСЯ В ВУЗ“

ПОСОБИЕ по ПОДГОТОВКЕ в ВЫСШ. УЧЕБН. ЗАВЕДЕНИИ в ПРОГРАММУ ИЗДАНИЯ ВКЛЮЧЕНЫ СЛЕДУЮЩ. ПРЕДМ.:

- 1) МАТЕМАТИКА, 2) ФИЗИКА, 3) РУССКИЙ ЯЗЫК, 4) ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ.

Все издание „ГОТОВЬСЯ В ВУЗ“ будет состоять из шести книг в каждой не менее 20 печатных листов.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: до 1-го октября 1927 г. объявляется **Льготная подписная плата на все издание—3 руб.** Допускается **РАССРОЧКА:** при покупке—2 руб., при получении 1-й книги—2 руб., при получении 2-й кн.—2 руб.; при получении 4-й книги—3 руб.; 5-я и 6-я высылаются без доплаты.

Льготная подписка продлена до 1-го ноября

Подробные проспекты **ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.**

Заказы и денежные переводы направлять по адресу: Москва 19, Воздвиженка, 10, изд-ву „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“. Отделу Периодических Изданий.

ФОТО-ПОРТРЕТ

увеличение с любой карточки и паспарту и **БАГЕТНОЙ РАМЕ** 10×12 вершк.—5 руб., 12×14—8 руб.

НА БРОШКАХ И БУЛАВКАХ **ФОТО-ЭМАЛЬ** Квадр., овал., и кругл. формы от 1-5 см. Больш. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к. Карточки высылать без задатка (возвращу в целости). Москва 21, Дашков пер., д. № пять. В. Шиманову. ПРИ 3-х ЗАКАЗАХ—4-й БЕСПЛАТНО.

„СОВЕТСКОЕ ФОТО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЕВ и ФОТО-РЕПОРТАЖА

Разослан подписчикам и продается везде **№ 10 (ОКТАБРЬ)**

Цена 40 коп. **ТРЕБУЕТ ВЕЗДЕ.**

Подписка на 1927 год: год—3 р. 75 к., 1/2 года—2 р. 10 к. Переводы адресуйте:

Москва 9, Тверской бульвар 26. Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“. Проспекты высл. бесплатно.

„ПОРТНОЙ“

Первый художеств. Альбом. Учебник шитья дамск. и мужск. платья. Сист. Катун, с 320 рис. на отд. лист. 223 стр. Ц. 4 р. Руководство для Модного Закройщика, сист. Ф. Руссель, в Париже в II част. Ц. 10 р.

Книги высл. налож. платеж. 12.000 назван. каталог за 30 к. марк. Заказы и деньги направлять: Ленинград, пр. Володарского 59-у, „НАУКА И ЗНАНИЕ“.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд-во ЦК ВЛКСМ „МОЛОДЯЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Тверская 37. Тел. 3-04-44.

К ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ

ВСЕ для СПОРТА для ПИОНЕРОВ

СПОРТИВНЫЕ и ПИОНЕРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ и СНАРЯЖЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРА, ЗНАЧКИ и проч. Палатки рабоч., санитарн., лесные и пионерские. Полный катал. высл. за 8-ноп. марку.

РУССКИЕ СЛУГИ ЧЕМБЕРЛЕНА И ФОША

Очерк председателя суда над зарубежными монархистами В. Ульриха.

Дело пяти террористов-монархистов,¹ недавно разбиравшееся в Ленинграде выездной сессией Военной Коллегии Верховного

Самодельные гранаты в алюминиевых корпусах с пропущенными насаженными болтами, капсюли и воспламенителями. Всем этим были снабжены террористы Балмасов и Сольский.

суда СССР, интересно в том отношении, что в данном случае мы впервые на судебном заседании изучали деятельность террористической группы зарубежных монархистов, действующих при явной помощи английской разведки. На суде было установлено, что зарубежные монархисты из русской белой эмиграции, разбиваясь на различные братства, союзы и т. д., весьма немногочисленные по своему составу, ориентируются в большей своей массе на „фигуру“ б. великого князя Н. Н. Романова, видя только в нем „достойного“ претендента на российский престол... Меньшинство же зарубежных монархистов считает своим вождем Кирилла Владимировича Романова, как законного (в порядке очереди, конечно) кандидата на тот же престол „державы российской“... (!)

Борьба между „николаевцами“ и „кирилловцами“ тянется уже несколько лет и пока ни к чему ни привела, если не считать постоянного дискредитирования и шельмования друг друга как в зарубежной печати, так и на различных собраниях за границей. Любопытно, что каждая группировка имеет свой двор, аппарат управления и т. д. Время от времени и „николаевцы“, и „кирилловцы“ устраивают съезды, совещания, где поносят друг друга и жалуются на денежное оскудение. Иногда выпускают манифесты, воззвания, листовки, написанные старинным высокопарным стилем с постоянными призывами к богу... Воззвания эти, конечно, никакого успеха не имеют и вызывают лишь насмешки у случайного читателя, ибо показывают полную скудность мыслей авторов. Пробовали монархисты вести устную агитацию в пограничных районах, но, конечно, встретили в крайнем случае полное равнодушие.

Полная неудача с письменной и устной агитацией, равно и отсутствие каких-либо реальных средств борьбы как на нашей территории, так и за рубежом, побудили руководителей монархического центра перейти к новому способу борьбы, к террору.

Неразорвавшаяся граната Нозикова, брошенная 7 июня в Деловом клубе в Ленинграде.

Применяя свою тактику, монархисты преследовали две цели: во-первых, устранение отдельных личностей или уничтожение важного государственного сооружения

должно были внести замешательство в ряды „насилыников“—большевиков, а во-вторых, совершение какого-нибудь эффектного террористического акта должно было, по мнению руководителей-николаевцев, привлечь к ним внимание всех антисоветски настроенных элементов Западной Европы, в том числе и правительств некоторых буржуаз-

Вдохновитель террористов ген. Кутепов.

ных государств. В конечном результате касса николаевцев должна была пополниться жертвованиями и субсидиями.

Таково „идеологическое“ обоснование террора. Перемена тактики требовала более решительных действий, а так как сам „блеститель престола“ Н. Н. Романов уже начал впадать в старческий маразм, то „бразды правления“ взял фактически в свои руки известный белогвардейский генерал Кутепов.

Для большого успеха в своей деятельности генерал Кутепов, проживая постоянно в Париже, поддерживает тесную связь с английской разведкой и имеет

(некоторые из них, как, например, Бунаков в Гельсингфорсе, являются агентами английской разведки) использует офицеров иностранных разведок для облегчения нелегальных переходов границ, предоставляя им шпионские сведения об СССР.

Разрыв англо-советских отношений сразу окрылил надеждами кутеповцев. Если весной этого года проходили только предварительные совещания в Териоках, на которые приезжал сам Кутепов, а также капитан английской армии Росс, работающий по английской разведке в СССР, для дачи различных практических указаний по проведению террора, — то после разрыва англо-советских сношений кутеповцы перешли к активным действиям.

3 июня 1927 г. была обнаружена попытка взорвать здание, примыкающее к дому ОГПУ в Москве, 7 июня в Дискуссионный клуб в Ленинграде были брошены две бомбы, повлекшие за собой ранения 26 чел.

Благодаря успешным действиям ОГПУ виновники покушения на взрыв в Москве были обнаружены и при перестрелке убиты 18-го и 19-го июня. Убитые оказались — Захарченко, Опперпут и Петерс, все трое — члены террористической организации ген. Кутепова.

26 июля были арестованы вскоре после перехода границы — Строевой, Самойлов и фон-Адеркас, посланные из-за рубежа террористической организацией монархистов для производства различных диверсионных действий.

22-го августа, вскоре после перехода финско-советской границы, были арестованы Болмасов и Сольский, вооруженные револьверами и бомбами.

26-го августа после вооруженного сопротивления были убиты двое неизвестных, в которых впоследствии были опознаны кутеповские террористы — Шарик и Соловьев, при чем последний оказался одним из трех участников взрыва в Дискуссионном клубе в Ленинграде.

Следствием было безусловно установлено, что все перечисленные выше лица были направлены монархическим центром, возглавляемым Кутеповым, специально для террористических выступлений против ответственных советских работников.

Будем надеяться, что неудача, постигшая террористические замыслы ген. Кутепова и его английских советчиков, а равно и приговор в отношении Строевой, Болмасова и других будут уроком для всех агентов международного капитала.

В. Ульрих.

Одна из самодельных бомб в железной оболочке с большой разрушительной силой. Бомба была обнаружена у Балмасова и Сольского.

Яды в пузырьках и ампулах, найденные у Балмасова и Сольского.

Револьверы, отобранные у террористов — Балмасова, Сольского, Строевой, Самойлова и Адеркаса.

своих представителей в некоторых соседних с СССР государствах.

Посылая людей для „работы“ в СССР, Кутепов при помощи своих представителей

ИНТЕРВЕНЦИЯ ИМПЕРИАЛИСТОВ В КИТАЕ

Очерк для „Огонька“ Евгения Чена.

Так как интервенция является ярким выразителем империалистической политики в Китае, то для того, чтобы оценить все ее значение, достаточно прежде всего вдуматься, какие цели преследует империализм в Китае. Я уже определял эти цели, как систему международного контроля над Китаем — систему, установленную Англией и другими державами. Контроль этот необходим империалистам для поддержания тех иностранных интересов и привилегий, которые устанавливаются неравными договорами с Китаем. Эта система проводится в жизнь дипломатическим корпусом в Пекине, являющимся чем-то вроде сверх-правительства в Китае. Вследствие этого, дипломатия националистического правительства — кантонского и уханского — стремилась уничтожить значение дипломатического корпуса, как политического орудия империализма, путем категорического отказа признать его юридически или вести переговоры с дипломатическим корпусом, как с единым целым. Националистские дипломаты неизменно настаивали, в случае надобности, на секретных переговорах с каждой отдельной державой.

Эта система международного контроля над Китаем создала такое положение, которое легко может быть охарактеризовано, как *постоянная* форма интервенции. Если взять к примеру британский контроль над китайскими морскими таможнями, становится ясно, что английские власти и поставленные ими чиновники дают

не только коммерческие, но и политические сведения британскому правительству из всех важных стратегических пунктов Китая. Таможенное управление и его учреждения опутаны густой паутиной политического шпионажа, проникающего во все поры китайской жизни.

Есть еще и другой вид *постоянной* интервенции вроде французского контроля над почтовыми учреждениями или самостоятельно управляемых иностранцами концессий и селтментов, в так называемых „договорных портах“ и крупнейших центрах, как Шанхай, Ханькоу и Тянь-Цзин — с их фабриками, заводами, банками и особым аппаратом, контролирующим всю коммерческую и финансовую жизнь Китая.

Вся эта система опирается на международные морские силы, состоящие в настоящее время из сотни военных судов, которые властвуют над всеми водами Китая.

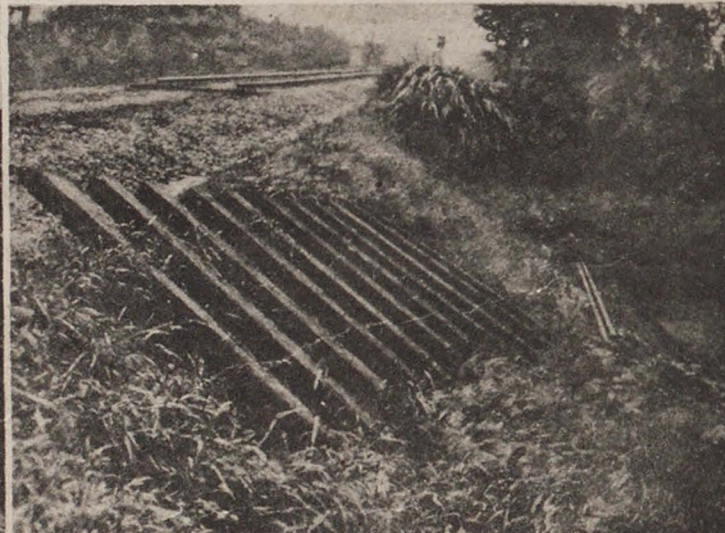
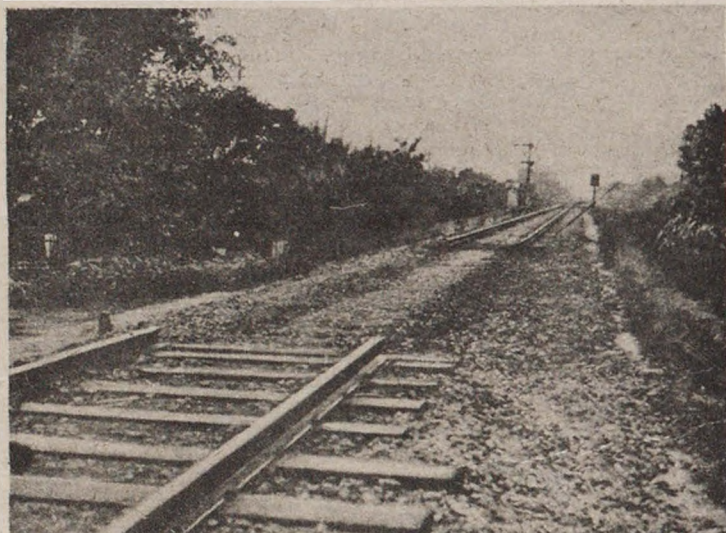
Помимо этих постоянных видов, чужеземная интервенция еще выявляется в особых выступлениях финансового, военного или полувоенного характера. Для того, чтобы перечислить все эти выступления, несомненно, понадобится бы целый том. Приведем один — два примера, могущих служить красноречивой иллюстрацией. Вспомним хотя бы о так называемом „заиме переустройства“ (Reorganisation Loan), предоставленном Юань Ши-каю в сумме 250 миллионов долларов державами под эгидой Англии. Это помогло Юань Ши-каю подавить революционное движение в 1912 г., сломить вторую революцию и создать почву для попыток восстановления монархизма в Китае.

Вторым образцом политико-финансового характера может служить „заем Ниши-хара“, сделанный Японией Тун Чи-джун в тех же целях порабощения Китая и превращения его в марионетку империализма.

Факты военной интервенции не менее многочисленны, и особенно много примеров им можно найти в последнее время, когда действия Англии и Японии носят явно агрессивный характер. Англия сосредоточила в районе Шанхая несравненно большие силы, чем те, которые были пущены в ход во время „войны из-за опиума“ или боксерского восстания. Япония осуществляет военную интервенцию в Шандуне и южной Манчжурии. Я предвижу еще не мало случаев военного вмешательства империалистов в китайские дела до тех пор, пока на защиту не выступит полный свежих сил левый гоминдан, опирающийся на революционные массы Китая.

Евгений Чен в СССР.
Фот. С. Фридлянда.

АНГЛИЙСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КИТАЕ. Английский аэроплан снизился на китайской территории, близ Шанхая, и был захвачен китайскими властями. В отместку за это английские отряды разрушили китайскую железнодорожную линию, вывинтив гайки и набросав на рельсы мешки с песком. На снимках: наверху — солдаты английской армии в Китае у мешков с песком; внизу слева — железнодорожная ветка, разрушенная англичанами; справа — сброшенные с железнодорожной насыпи шпалы.

Следующий номер журнала „ОГОНЕК“ выйдет к Всесоюзному съезду рабочих и крестьян.

В номере будет отображено, что сделано за 10 лет революции в области установления действительного равноправия женщин во всех отраслях нашей политической, хозяйственной и культурной жизни.

ВСЕ АВТОРЫ № 41 — ЖЕНЩИНЫ.

ТРИ ВСТРЕЧИ

Из воспоминаний об ушедших. Статья А. В. Луначарского.

I.

Это было впервые после Октября, зимой, не помню точно в каком месяце. Во всяком случае, незадолго до этого я окончательно занял министерство народного просвещения по Чернышевскому переулку. Еще почти не было у меня никаких чиновников, — одни курьеры да ответственные работники, — но уже закипела жизнь, уже начали восстанавливаться бесчисленные социальные провода, которые должны были соединить рождающийся Наркомпрос со всем просветительным миром в громадной стране.

И вот однажды ко мне явился кто-то, — уже не помню ни фамилии, ни даже облика, ни пола, — с таким заявлением: Анатолий Федорович Кони очень хотел бы познакомиться с вами и побеседовать. К сожалению, он сильно болен, плохо ходит, а откладывать беседу ему не хотелось бы. Он надеется, что вы будете так любезны, захватить к нему на часок. При этом передал был его адрес. Я, конечно, прекрасно понимал всю исключительную значительность этого блестящего либерала, занявшего одно из самых первых мест в нашем передовом судебном мире эпохи царей. Мне самому чрезвычайно хотелось видеть маститого старца и знать, что собственно хочет он мне сказать, мне — пролетарскому Наркому, начинающему свою деятельность в такой небывалой мировой обстановке.

Кони был уже стар — в это время ему было 72—73 года. Кабинет, в который меня ввели, хранил еще все следы его нормальной жизни. Это был кабинет серьезного работника, с большим количеством книг, с удобными рабочими креслами вокруг письменного стола. Комната была несколько затемнена, да и было это зимой, когда в Ленинграде света в окошках немного. Кони встал на своих нестойких ногах, но я поспешил попросить его сесть. Свои острые колени он накрыл чем-то вроде пледа и довольно пристально разглядывал меня, пока я усаживался. Он сохранил тот свой облик, который хорошо известен всякому по его портретам. Только борода и бакенбарды, облегающие кругом щеки под подбородком его бритое лицо, были уже седыми и показались мне даже желтоватыми, а лицо его было совсем желтым, словно старая слоновая кость, да и черты его казались вырезанными очень искусным, тонким резчиком по слоновой кости, такие определенные в своем старчестве, такие четкие и изящно отточенные.

Глаза Анатолия Федоровича, очень пронаблюдательные и внимательные, отличались в то время большим блеском, почти молодым, но смотрел он на меня с некоторым недоверием, как-то искоса, словно хотел что-то во мне прочесть и понять. Так как некоторое время тянулось молчание, то я обратился к нему: чем могу ему служить? Когда я шел к Анатолию Федоровичу, мне казалось, что он непременно обратится ко мне с просьбой, — ведь времена были очень трудные, даже самые простые условия комфорта, особенно для старого человека, привыкшего жить богато, стали желанной, но недоступной вещью. Не могу не отметить, что в этом полутемном кабинете было довольно-таки холодно, так что я даже пожалел, что снял с себя пальто. Но Кони очень торопливо на этот раз, как будто даже испугавшись столь естественной мысли, как возможность личной просьбы ко мне, заговорил:

— Мне лично решительно ничего не нужно. Я разве только хотел спросить вас, как отнесется правительство, если и по выздоровлении кое-где будут выступать, в особенности с моими воспоминаниями. У меня ведь чрезвычайно много воспоминаний. Я записываю их отчасти, но очень многое не вмещается на бумагу. Кто знает, сколько времени я проживу! Людей, у ко-

торых столько на памяти, как у меня, — очень немного.

На это я ответил ему, что Наркомпрос будет чрезвычайно сочувствовать всякому его выступлению с соответствующими воспоминаниями, будь то в письменной форме, будь то в форме лекций.

— Впрочем, — сказал он, и его большой нервный и скептический рот немного жалко подернулся, — я очень плохо себя чувствую и я совсем калека.

Немного помолчав, он начал говорить, и тут уже можно было узнать Анатолия Федоровича. Правда, я никогда его не слыхивал ни в эпоху его величия, как одного из крупнейших ораторов нашей страны, ни до, ни после единственного

Академик А. Ф. Кони в день 90-летия со дня смерти Пушкина, на квартире великого поэта.

моего разговора, который я описываю, но многие говорили о необыкновенном мастерстве его в искусстве разговора и о замечательной способности оживлять прошлое, о необыкновенном богатстве интонаций, об увлекательности, которая заставляла его собеседников буквально заслушиваться словами, слетающими с этого большого, энергичного, словно созданного в качестве носителя слова, рта.

Он говорил мне, что решил пригласить меня для того, чтобы сразу выяснить свое отношение к совершившемуся перевороту и новой власти. А для этого он-де хотел начать с установления своего отношения к двум формам старой власти — к самодержавию и к Временному правительству. Вероятно, в соображениях Кони можно найти многие из тех фраз, не говоря уже об образах и событиях, которые рассказывал мне тогда Анатолий Федорович. Но, во всяком случае, для той специальной цели, которую он себе поставил — разговаривания, они были по-настоящему и рассказаны в необыкновенном освещении. С огромным презрением, презрением тонкого ума и широкой культуры, глядел сверху вниз Анатолий Федорович на царей и их приближенных. Он сказал мне, что знал грех царей. Он говорил об Александре II, как о добродушном военном, типа представителя английского мелкого джентри, у него и идеалом было быть английским джентльменом, он гордился своей любовью к английским формам спорта и внутренне страстно желал ограничить как можно меньшим кругом своей жизни свои „царственные заботы“ и как можно больше уйти в мирную комфортабельную жизнь, в свою личную любовь, в свои личные интересы. Быть может, он был на самом деле добродушен,

но в то время, когда Анатолий Федорович мог его наблюдать, это был абсолютно испуганный человек, царская власть казалась ему проклятием, она не только не привлекала Александра II, но она пугала его. Подлинно он считал шайку Мономаха безобразной, гнетущей тяжестью, и не потому, чтобы ему присуще было такое глубокое сознание всего долга перед страной, а потому что он, как загнанный зверь, боялся террористов. Именно этот страх, окружающий всякого царя, „риск царственного ремесла“, казался ему переносимой приправой власти. Эта духовная ограниченность и слабость и, вместе с тем, ужас перед опасностью делали его готовым, наподобие его тезки и дяди, отдать Россию любому Аракчееву.

Еще колоритнее рассказывал мне Кони о втором из царей, которого наблюдал — об Александре III. Это был „бегемот в эпоху“, человек тяжелый, самое присутствие которого и даже самое наличие в жизни словно накладывало на все мрачную печать. Подозрительный, готовый ежеминутно, как медведь, навалиться на все, в чем он мог почуять намек на сопротивление, — какой уже там „первый дворинин своего королевства“! — нет, первый кулак своего царства на престоле.

Говоря о Николае II, Кони только махнул рукой. Ведь, по существу говоря, он всю жизнь оставался на том уровне умственного развития, который вряд ли сделает его способным прилично командовать ротой. И вот с таким умом извольте править государством. И этот тоже, хотя и любил власть, — кому же охота выпускать скипетр из своих рук! — по существу, ею тяготился и устранился от нее. Он мог бы быть добрым семьянином, натура удивительно мечанская, бездарная до последнего предела. Кони утверждал, что он глубоко убежден в способности царя с легчайшим сердцем примириться с отречением, если бы только ему доставлена была возможность жить комфортабельно семейной жизнью.

Я заметил Кони, что его наблюдения относительно внутренней отчужденности некоторых царей от власти, свидетельствующей о каком-то чисто политическом вырождении монархии, не имеет такого большого значения для характеристики правителей, так как правительство далеко не сводится к монархам и редко даже действительно обеспечивает за монархом видное место, кроме, конечно, демонстративного и показательного.

Тогда Кони заговорил о бездарности министров. Для очень немногих делал он исключение — бездарность, бесчестность, безответственность, взаимные интриги, полное отсутствие широких планов, никакой любви к родине, кроме, как на словах, жалкое бюрократическое вырождение.

Несмотря на скептическое отлепливаемое отношение к старой власти, оно еще показалось мне сносным по сравнению с тем, что говорил Кони о Временном правительстве. Какая-то судорога сарказма пробежала по его большому губам. — В этих, я ни на одну минуту не верил, — сказал он. — Это действительно случайные люди. Конечно, если бы февральский режим удержался в России, в конце концов произошла бы какая-то перетасовка, лучшие люди либеральных партий подобрались бы и, может быть, что-нибудь вышло бы. Но история судила другое. Во всяком случае, то, что тут было — Львовы, Керенские, Черновы, правда, я наблюдал их издали, и я уже был не столько очевидцем этих событий, сколько их несколько удаленным свидетелем, однако, разве не ясно, что это за нерешительность, что это за дряблость, какое жалкое употребление сделали они из революционных фраз и какими слабыми оказались, когда за ширмами этих фраз пытались

доказать, что они—власть, способная ввести в берега разъяренный океан народа, в котором веками скопилось столько несправедливости и мести.

Кони задумался и опять, взглянув на меня тем же косым внимательным и недоверчивым взглядом, сказал мне:

— Может быть, я очень ошибаюсь. Мне кажется, что последний переворот действительно великий переворот. Я совсем не знаю, почти абсолютно никого не знаю, ну, никак не знаю ни одного из ваших деятелей по наслышке, по статьям, но я чувствую в воздухе присутствие действительно сильной власти. Да, если революция не создаст диктатуры — диктатуры какой-то мощной организации, — тогда мы, вероятно, вступим в смутное время, которому ни конца, ни края не видно и из которого бог знает что выйдет, может быть даже и крушение России. Вам нужна железная власть и против врагов, и против эксцессов революции, которую постепенно нужно одевать в рамки законности, и против самих себя. Ведь в таком быстро организующемся правительственном аппарате, который должен охватить землю от Петербурга до последней деревушки, всегда попадает множество сора. Придется резко критиковать самих себя. А сколько будет ошибок, болезненных ошибок, ушибов о разные непредвиденные острые углы! И все же я чувствую, что в вас действительно огромные массы приходят к власти. Тут действительно открывается возможность широчайшего подбора властителей по доверию народа, проверенных на деле. Ваши цели колоссальны, ваши идеи кажутся настолько широкими, что мне — большому оппортунисту, который всегда соразмерял шаги соответственно духу медлительной эпохи, в которую я жил, — все это кажется гигантским, рискованным, головокружительным. Но если власть будет прочной, если она будет полна понимания к народным нуждам... что же, я верил и верю в Россию, я верил и верю в гиганта, который был отравлен, опоен, обобран и спал. Я всегда предвидел, что, когда народ возьмет власть в свои руки, это будет в совсем неожиданных формах, совсем не так, как думали мы — прокуроры и адвокаты народа. И так оно и вышло. Когда увидите ваших коллег, передайте им мои лучшие пожелания.

Кони опять встал на своих слабых ногах и протянул худую старческую руку. Я крепко пожал его руку и сказал ему, что постараюсь запомнить то, что слышал от него, т. к. это слышанное с глаз на глаз в полутемном кабинете мне показалось неожиданным из его уст и поучительным. Сейчас я жалею об одном, что, придя домой, я тут же не записал этой беседы, но ведь и тогда, и после было столько встреч и среди них столько интересных, и где уже нам писать дневники!

Мне кажется, однако, что за вычетом обаятельного красноречия, необыкновенной конкретизирующей образности, я верно передаю основу тогдашних слов Кони. Я не знаю, как относился Кони позднее к нашей борьбе и нашему строительству. У меня есть только два довольно ярких факта. Во-первых, письмо Анатолия Федоровича по поводу некоторого недоразумения с Главлитом, относительно издания им воспоминаний Витте. В этом письме он пишет:

„Дорогой Анатолий Васильевич, меня удивляет, что Советская власть или, по крайней мере, ее органы находят что-то предосудительное в моей брошюре. Дело в том, что она насквозь правдива. Я не верю, чтобы правда о прошлом могла в какой бы то ни было степени вредить революции и росту сознания свободного народа. Очень прошу вас, заступитесь за мою брошюру. У меня остается один долг и одна радость — успеть сказать побольше правды о прошлом. Пишу мемуары и хочу думать, что делаю этим нужное дело“.

В то время я сейчас же принял меры к устранению этого недоразумения.

Второй факт — это те теплые выражения, в которых Ленинградский Совет охарактеризовал заслуги Кони и те строки в этих словах доброй памяти, где говорится о добровольном и плодотворном содействии Кони, даже в годы его глубокой старости, нашей культурной работе.

II.

Прошло очень немного времени, может быть месяц — два, когда я познакомился с человеком, бывшим, между прочим, другом Кони — с Александром Ивановичем Южиным. Между Южиным и Кони несомненно было большое сходство, ибо он принадлежал к числу либералов самого лучшего качества. Для Кони слова „законность“, „свобода“, „народное благо“ — совсем не были пустыми звучными фразами. Не были они ими и для Южина. Поэтому они любили друг друга. Когда Кони что-нибудь было нужно от меня (или когда он хотел за кого-нибудь похлопотать), он прибегал к посредничеству Южина.

Народный артист А. И. Южин.
Последний снимок. Фот. М. Сахарова.

Александр Иванович, поставленный Временным правительством директором Малого театра, оставался его директором. Отношения наши с театрами не были выяснены, они продолжали свою работу в смущении — подвергались каким-то набегам хулиганских элементов, каким-то пожарам и ждали, что с ними будет. В это время я приехал из Ленинграда, где оставался по собственному желанию и разрешению ЦК партии, в Москву. В Ленинграде в то время я занимался быстрым приручением театров к Советской власти. Началось с того, что господин Зилютин заявил: „Как только этот самозванный (!) министр явится в театр, я со скандалом опущу занавес“. Кончилось довольно кропотливой работой по установлению прав правительства в отношении к театрам и границ их автономии. Я выбрал именно этот путь провозглашения известной автономии театров, — они ведь всегда страдали от засилья чиновников, и перспектива артистического самоуправления им до крайности излилась. Я должен сказать, что позднее от нее не осталось даже рожка и помеха. Само актерство очень скоро поняло, что самоуправление в театре означает преприродный хаос и множество интриг. Потребовалась очень крепкая власть, и мы перешли к единовластию директоров.

В то время, в эпоху довольно бурную, косматую, трудно было организовать общественные советы при театрах, но и в то время это была одна из любимейших моих мыслей. Только теперь она осуществляется.

Для подписания известного договора с Малым театром, который обеспечивал бы полную возможность экономического и идеологического руководства им и, вместе с тем, охранял бы его достоинство большого культурного учреждения с большими традициями, я и приехал в Москву офи-

циально разговаривать с Южиным. Моя тактика заключалась в том, чтобы как можно скорее убедить лучших работников искусства в глубоком желании нашим сохранить лучшее достояние прошлого.

Южин в значительной мере остался в России для того, чтобы охранять Малый театр. Малый театр был сокровищем его жизни. Разрушение Малого театра было бы для него гораздо хуже смерти.

Конечно, разные люди, приговаривавшиеся, как кузнечики, прыгнуть из Москвы за границу, шипели ему, что новая власть не только истолчет в ступе всю старую культуру, но и при первой минимой или действительной оплошности поставит к стенке любого ее представителя.

Южин этому не верил. Южин, вроде Кони, как-то чувствовал, что в новой власти есть глубокая „народность“. Пролетарское рабочее значение новой власти скорее ускользало от подобных людей, а вот наличие миллионов активных людей „из народа“ — это они чуяли. Но все же, когда я в первый раз вошел в одну из директорских комнат с круглым столом, и мы сели для того, чтобы прочесть и обсудить два проекта — составленный нами и составленный Южиным, — я не мог без некоторой внутренней улыбки наблюдать за всем, что делал и говорил князь Сумбатов. Меня предупреждали, что это человек тонкого ума, очень дипломатичный и хитрый. Позднее, я прекрасно узнал Александра Ивановича. Что он был человеком большого ума, это, конечно, не подлежит ни малейшему сомнению. Что же касается его хитрости, то она была очень поверхностной, и под ней сразу вскрывался почти наивный идеализм, необыкновенное добродушие и джентльменство в самом лучшем смысле этого слова.

Но все же, все свое поверхностное хитроумие Южин пустил тогда в ход, в нем даже почувствовался настоящий восточный человек, он был невероятно осторожен, словно ступал по льду, заподозривал подвох чуть ли не в каждом параграфе, ему все казалось, что его свяжут какими-то условиями, которые он сам подпишет и которые потом должен будет свято блюсти, но которые уронят театр, позволят сделать из него какое-то низменное в глазах Южина, т. е. антихудожественное употребление. Поэтому приходилось объяснять, возвращаться вновь к нашим принципам, нашим взглядам на вещи и нашему учению о культурной революции и ее путях, вслед за совершением революции политической.

С другой стороны, я хотел резко отметить, что театры обязуются руководиться директивами правительства, что они становятся советскими театрами, и поэтому в формах достаточно вежливых приходилось настаивать на некоторых наших глоссах и примечаниях, не оставлявших сомнений в силе Советской власти над художественной жизнью страны, власти спокойной, культурной и осторожной.

По мере того, как шли наши переговоры, Южин успокаивался. Совсем успокоился он после спектакля „Новгородцев“ Алексея Толстого, первого спектакля Малого театра с его участием, на котором я присутствовал как Нарком. Он играл с большим подъемом. Этот очень умный и очень искусный актер редко загорался не отлично сделанным театральным пафосом, а непосредственным чувством. Мария Федоровна Андреева, которая была тогда в одной ложе со мной, после большой сцены крушения посадников сказала мне:

— А какой все-таки огромный и интересный актер Южин!

Я пошел за кулисы крепко пожать ему руку и сказал, что буду рад, если почти столетний Малый театр, которому, конечно, предстоит еще долгая жизнь, впишет мое скромное имя, как человека, помогшего ему пережить трудные времена и утвердиться в новой эпохе. Вдруг Южин в костюме и гриме крепко прижал меня к себе и поцеловал.

— Ах, Анатолий Васильевич!—воскликнул он вдруг. — Вы представить себе не можете, какое беспокойство разрывает постоянно мое сердце. Мне так глубоко хочется доказать новому правительству, что Малый театр жив, что Малый театр нужен.

Он так расчувствовался, что не мог даже кончить того, что начал. И тогда я почувствовал, какой это превосходный человек. Тогда я почувствовал, в какой мере Южин действительно живет театром, творческим искусством, теми идеалами, которые, по его мнению, Малый театр постоянно вешал со сцены, насколько это только позволяли полицейские тиски.

С той поры отношения мои с Александром Ивановичем становились все лучше. Я знал также, каким огромным уважением преисполнился он по мере своей дальнейшей работы к Владимиру Ильичу и его сподвижникам и преемникам. Я знал и о том, каким взаимным уважением пользовался он от крупнейших деятелей нашей революции, и мне бывало всегда невыразимо досадно, когда какая-нибудь ревнивая подозрительность людей гораздо более мелкого калибра, воображающих, что на них лежит обязанность защищать революцию, начинали царпалать Южина и оскорблять глубокую искренность и честность, которую он вносил в работу с нами.

Последнее письмо Южин написал мне за четыре дня до своей смерти. Он пишет там о том, чтобы я непременно объяснил товарищам Рыкову, Енукидзе и Семашко, "которых я научился высоко уважать", что всякие нападки на него, как будто бы питающего симпатии к эмиграции и лицемерящего перед Советской властью, являются чистейшим вздором.

В то же время он с трогательной озабоченностью делился со мной своим беспокойством—не обирает ли он Малый театр, не в тягость ли он ему, так долго-де он болеет, не может непосредственно служить, и тщательно разрабатывал в своем последнем письме параллельно плану, который он послал директору Малого театра Владимиру, когда он вернется, сколько спектаклей даст, почему он рассчитывает, что спектакли эти могут пойти с известной прибавкой, сколько это даст Малому театру, насколько это поможет ему, так сказать, уплатить свои долги.

В этом письме—та же скупая честность, необыкновенная стопроцентная порядочность. Письмо это в отношении лично ко мне полно большого доверия и дружбы, и теперь, когда я перечитываю его, в то время как тело Александра Ивановича везут через моря в родной край, я измеряю то расстояние, которое отделяет первое наше свидание от последнего письма.

Сотрудничество Южина с Советской властью—хороший пример для лучших специалистов, заведенных дореволюционной эпохой революционному строительству.

III.

Конечно, я очень хорошо знал Айседору и до моей встречи с ней. Кто ее не знал! Будучи "только танцовщицей", она вдруг выросла в первокласснейшую фигуру всего искусства целой эпохи. И она была не просто ее выразительницей, а выразительницей в силу самых прогрессивных начал. И она разбивала старые танцевальные формы, она выдвигала на первый план искренность, непосредственность, грацию, она хотела танцевать не танцы, а музыку, выявлять слуховую музыку прекрасной музыкальной гармоничного человеческого тела.

Она влияла столько тончайшей красоты в окружающее и сама, и через десятки своих учениц, что казалось, будто грубовавшая эпоха позднего капитализма, с ее клещевым декадансом, с одной стороны, и похабно-кафешианским времяпрепровождением—с другой стороны, каким-то чудом породила нечто приближающееся к лучшим эпохам художественного творчества человечества.

Но вместе с тем я знал и то, что лучшие годы Айседоры позади, я знал прекрасно, что грани соприкосновения между ее утонченным эллинизмом и нашей суровой республикой, питавшейся в то время селедкой и питавшей своею кровью вшей, и мучительно несшей кошмары войны и разрушения—весьма слабы и искусственны, да и уверенности у меня не было, что дальнейшие, во всяком случае первые шаги нашей культурной работы, когда самые трудные фазы борьбы были позади, пойдут по линиям, совпадающим с эстетскими идеалами Айседоры.

И вдруг письмо Красина—Айседора-де выразила свою безусловную симпатию большевизму, заявила, что надеется на крушение буржуазной культуры и обновление мира именно из Москвы. Танцовала какой-то революционный танец под "Интернационал", сделала мишенью буржуазного негодования и... едет в Москву.

Прежде чем я опомнился от этого письма, звонят, что Айседора приехала, сидит на вокзале на собственных чемоданах вместе со своей ученицей Ирмой, и не знает, куда девать ей свою победную головушку. А у меня тоже—в распоряжении никаких квартир, никаких ресурсов.

Исход нашелся—я водворил Айседору Дункан в квартиру Гельцер, Екатерины Васильевны, которая в это время отсутствовала из Москвы.

На другой день после ее в'езда в эту квартиру, она явилась ко мне в Кремль, где я тогда жил. Самый вид ее был чрезвычайно интересен. Она очень пополнила и потеряла ту мягкую грацию, которая была ей свойственна. Она носила какой-то странный костюм, представлявший собою смесь костюма западно-европейской туристки, путешествующей богатой дамы, и какой-то тунники и шарфов, развевавшихся вокруг нее, почти как при танце. У нее были необыкновенно милые, какие-то фаянсово-голубые глаза, очень наивные и очень ласковые.

Сначала она вела себя официально, выражала некоторое недовольство по поводу неожиданности своего собственного приезда и, вместе с тем, спешила уверить, что она не ищет в России никакого комфорта.

— Мне не нужно ничего,—говорила она на своем англо-французском языке.—Я готова есть хлеб и соль, но мне нужно, чтобы вы дали мне тысячу мальчиков и девочек из самых бедных пролетарских семейств, а я сделаю вам из них настоящих грациозных людей.

В этом духе велась нами беседа и тогда, когда я приехал к ней с ответным визитом. Сначала говорила она. Она говорила о том, как ненавидит прозаическую, деловую, уродливую жизнь буржуазии. Ее идеал—Греция. Эту античную Грецию она рисовала себе какой-то непрерывно грациозной, почти непрерывно танцующей. Она утверждала, что та искренняя манера танца, передающая благородные движения, передающая высочайшие и жизненнейшие движения человеческого сознания, которую она преподает, является не только школой внешней, но и в внутренней грации самого сознания человеческого. По ее мнению, от этой утонченности поднимаются над жизненной грязью. Музыка и танец являются—де огромной воспитательной силой. Она-де бесконечно огорчена тем, что театр часто захватывал ее и захватывает сейчас ее учениц. Не для театра, а для жизни! Она рассказывала мне, что Венецуолос—известный либеральный диктатор Греции—в пору своего величия пригласил ее к себе, желая придать новый блеск греческому возрождению, которого он считал себя героем, влив в него искусство Айседоры Дункан, в качестве культурного знамени, подчеркивающего антично-эллинический характер новой эпохи.

— Но,—говорила Айседора,—во-первых, у греческого правительств было очень мало средств, а во-вторых, Венецуолос недолго пользовался неограниченной властью.—

Айседора Дункан.

Теперь все ее надежды на большевистскую революцию.—И ничего, что вы бедны,—повторяла она.—Это ничего, что вы голодны, мы все-таки будем танцевать.

После этого говорил я, потому что она расспрашивала меня о том, что же такое все наше движение и каковы действительно его этические опорные пункты. Тогда, беря явление в то время самое яркое, т.-е. Красную армию, ее комиссарский и командный состав, я стал говорить об испытаниях Красной армии, об ужасных условиях, в которых она ведет свою борьбу, о бесконечном героизме, который она проявляет.

Айседора открыла свой маленький рот, и в каком-то пункте моего рассказа, вдруг целым потоком полились из ее голубых глаз крупные, крупные слезы. Самое удивительное было то, что в эти голодные военные годы мы все-таки раздобыли здание для Айседоры, что я, Красин, отчасти товарищ Чичерин и очень много товарищ Подвойский все-таки дали ей возможность набрать довольно большое количество детей и что "мы все-таки затанцовали".

Первое выступление Айседоры и Ирмы с детьми в первоначальных упражнениях, которые она им успела преподавать, и некоторых довольно простых, но эффектных танцах, имело совершенно громадный успех. Большой театр прямо разваливался от аплодисментов, и все это несмотря на то, что сама Айседора очень сильно поддалась, почти не могла танцевать, а больше мимировала, правда, хорошо мимировала под великолепную музыку Бетховена и Чайковского.

Школе Дункан пришлось выжить тяжкую жизнь, но она живет и сейчас, и еще недавно она ездила по революционному Китаю и восторженно принималась тамошней революционной публикой.

Со смертью Айседоры Дункан, такой же трагичной, как смерть ее детей, погибших, как и она, при автомобильной катастрофе, остатки или семена ее искусства становятся как-то еще более дорогими. Конечно, она слишком переоценивала значение своих пластических открытий, но что эти танцы, и именно они, делаются каким-то прекрасным украшением социалистических празднеств, что всегда обворожительное впечатление производят гирлянды детей и молодых людей, ритмически сплетенные в пластически движущиеся по тому самому рисунку, который носила перед Дункан,—это несомненно.

Хотелось бы от души, чтобы так же отнеслись к этому все, от кого зависит дальнейшая судьба школы, и чтобы школа и студия имени Айседоры Дункан в Москве продолжала делать свое в общем масштабе нашего строительства маленькое, но прелестное дело.

А. Дунаровский.

СТИХИ О ПРИЗЫВЕ

Меня мамуся поздно родила...
Я не прощу ей это опоздание...
А ты бежал из отчего тепла
В тот грозный жар рабочего восстания...
Ты стал бойцом—
и в розовой дали
Ненужной кровью орошал долины,
На баррикадах—
радостно прошли
Твои шестнадцатые именины.
С котеночком
я дрался под столом
Когда дрались под Перекопом—
И мне, как дальний берег, незнаком
Размытый чернозем окопов.
Моя печаль по детскому смешна,
Мне тех порывов школьных жалко,
Тебя встречал я
песней и шаргалкой,
Веселая гражданская война.
У матерей
во времена войны

Тускнеют крепом траурные шали...
Что из того?
Мы, сыновья, вольны
Пренебрегать родительской печалью.
В свивальниках пахучих—
до поры
Под взглядом отчим
Распустилось тело.
Повадились на черные дворы
Осколки неприятельских шрапнелей.
Мы сядем на размашистых коней,
Повесим на плечо винтовки,
На реплики непрошенных гостей
Ответим разом из шестидюймовки.
Советский флот подымет якоря.
Построится советская пехота—
И кавалерия,
горькая горя,
Вскипит
в зените стрельного полета...
Мы учимся,
как из ружья стрелять,

Не для того,
чтоб переметить пули,
А для того,
чтоб силой отстоять
Испытанный республиканский улей.
Рожденные в крутые времена,
Мы выстроимся
в строгие когорты...
Нам памятно:
гражданская война,
Махновский штык
и адмиральский кортик.
Республика,
сквозь нежный чернозем
Ты прорастешь
над порослью столетий...
Да будут нашим совершеннолетием
Военные маневры
под огнем.

Осип Колычев.

ИМЕНЕМ СИМЕОНА БЕКБУЛАТОВИЧА

Рассказ К. Шильдкрета.

I
Иоанн резко прервал Грязного:
— Ливонцев одолеть бы... Да еще нала-
дить торг с аглицкими гостями через Обдор-
ские и Кондинские северные земли...

И перевел пылливый взгляд на Годунова.
Борис развел беспомощно руками. Его вы-
ручил окольный Челядний.

— Все будет, государь. Дал бы господь
заранее всего с изрядом¹ покончить.

Он перевел дух и, поклонившись в пояс,
молитвенно сложил руки.

Грозный зажал в кулак клин бороды
и любовно насторожил.

— Сказывай, чего надумал...

Окольный незаметно ткнул ногой каз-
начей.

— Вели Фуникову домолвить. Его затея.
Истово и долго крестился казначей на
образ Егория Храброго. Наконец, он мягко
установился в лицо царя.

— И порешили мы с Грязным, Челядни-
ным да и с Борисом добыть тебе и силу
денег, и волю над кичливой земщиной...

Советники переглянулись и опустили
на колени. Грозный нетерпеливо заерзал
в кресле. Его левый глаз почти закрылся
и на виске фиолетовыми гусеницами по-
ползли вздувшиеся жилы. Пальцы судорож-
но сжимали посох.

— Сказывай же к ряду!

Все заговорили хором. Лицо царя рас-
плывалось в довольную улыбку. Советники
смелели. Каждому уже хотелось доказать,
что им первым придуман хитроумный вы-
ход. Только Борис скромно тупился, изред-
ка вливая в общий гомон два-три слова.
И потому, что все перекрикивали друг
друга, Иоанну казалось, будто дело гово-
рит один Годунов.

Наконец, все стихло. Грозный облоко-
тился о спину Бориса.

— А ежели Симеон да с потехи и впрямь
полюбит Русия?

Фуников прищелкнул пальцами.

— Аль у стряпчих нехватит зелья, чтоб
известить не единого, а сорок сороков Бек-
булатовичей, князьков татарских?

Тяжело поднависши, Иоанн раздумчиво
установился через стрельчатое оконце в пред-
вечерний Кремль. Вдруг он с силой от-
швырнул посох и, закинув за голову руки,
расхохотался.

— Так лют я, по земщине выходит? А не
покажете ли милость, князь-бояре, че-

лом ударить касимовскому Симеону, что
заменит меня засядет на стол Московский?!

И, сразу обрываясь, властно взмахнул
рукой.

— Волю. Быти отселе другу моему Бек-
булатовичу любезному царем и великим
князем всея Руси. Пиши грамоту, Борис.

Годунов вздрогнул. «А что, ежели ра-
скроется затея?»—подумал он.—Не забудут
земские этой грамоты по гробу».

Он конфузливо улыбнулся и с глубоким
вздохом сожаленья объявил:

— Сам ведаешь, мой государь. Грамма-
тичного ученья аз не сведый до мала от
юности, яко ни простым буквам назычен бе.

Царь шутливо погрозились:

— Гоже. Напишет Висковатый под твой
подказ.

II

Земские бояре растерялись. Пошто ушел
в Александровскую слободу Иоанн, оставив
стол Московский татарину крещеному, ка-
симовскому хану?—Чуяли вотчинники, что
не просто такой потехой тешился великий
князь. Не раз в слободу к нему приезжали
со всех концов Московии разведчики-князья.
Грозный всех принимал с поклоном и со
смирною улыбкой. В черной яске и ску-
фейке царь выглядел таким пришибленным
и жалким, что даже у лютых его врагов
сжималось сердце.

Князь-боярин Кашин сидел до сумерек
в келии Иоанна. Вместе с ним молился
и пил из общего ковша простую воду да
тешился просыянными лепешками, густо посы-
панными солью.

Перед расставанием Иоанн Васильевич
облобызался с гостем, поклонился ему
в пояс и, воздев очи горе, со вздохом об-
ронил:

— Грешен я, князь. Жизнь опостыледа.
В молитвах недостойных, авось, спасусь
перед всевышним.

Голова его беспомощно свисла на узень-
кое, острое плечо.

— Смертью бы пожаловал меня отец
небесный!

Кашин испуганно замахал руками.

— Мало ли кречетов да аргамаков у тебя?
Изведи, царь, кручину потехою да дружбой
нерушимой с родовитым боярством земским.

На мгновение крестились два острых
настороженных взгляда, но тут же в гла-
зах царя заискрилась сызнова смиренная
печаль.

— Эх, князюшко! Были у меня и кречеты
добрые, да поизвелись: охотою не тежусь;
пришли на меня кручины великие; был
охоч и до аргамаков, жеребцов добрых, да
палок гожих, железных с наводом, да до
пищалей ручных, чтоб были целны и легки.
А ныне никакая потеха в потеху.

Едва Кашин скрылся за поворотом се-
ней, в цареву келью пришел выриженный
послушником Фуников. Тонкие губы его
дергались в лукавой усмешке. Простоудшно
светились голубые глаза.

Грозный подошел к казначею вплотную.

— Аль вести?

— Ходят, царь, наши людишки...

— Сам ведаю, ходят! А про-кто?

Фуников перевел свой невинный взгляд
на оконце.

— Всюду людишки посеяли ропот. Де-
скасть, волим собора, а на соборе челом бить
волим от всея Руси природному государю
Иоанну Четвертому Васильевичу.

— И бояре?

Казначей потер весело руки.

— Не долго час—и бояре волей-неволей
ударят челом. Распотешимся мы уже с Ка-
шиным да Ряполовскими.

Он расставил широко ноги и приложился
к руке царя:

— Надоумили мы с Гришкой Грязным по-
вую забавушку, царь.

И зашептал что-то едва слышно на ухо
Иоанну.

Поскакали по всем вотчинам гонцы от
Симеона Бекбулатовича. Для зелья целеб-
ного понадобился Симеону колпак² блох
княжеских.

Дьяки, подъячие, недельщики, губные ста-
росты самолично чинили обыск в постелях
бояр.

Сами собой сжимались кулаки и налива-
лись кровью глаза вотчинников от такой
затеи недавнего хана касимовского, худо-
родного Симеона, да нешто осилишь его
кулаком, коли стрельцы ему, после Иоанна
Васильевича, крест целовали.

От Аграфены-купальщицы до Ольгина
дня блох собирали. Потом окольный челом
ударил Симеону:

— Велик колпак, батюшка, — почитай,
шестьдесят два пуда зерна в нем поме-
стится... Нешто нагонись в него такую
силу блоху! Да к тому же и скажут еще
блохи те окаинные, склевали б их вороны.

¹ Изряда—измена.

² Колпак—выть, мера 62 пуда.

Бекбулатович отправил под'ячего в Александровскую слободу.

Грозный сидел за столом со своими советниками и, надываясь от хохота, слушал гонца.

На звоннице заблаговестили к вечеру. Иоанн встал и набожно перекрестился. За ним вскочили остальные.

— Звон-то какой сладостный! — выдохнул царь. Велелепен бог-господь.

И уже у двери обернулся к под'ячему. — Наказываю я Симеону истребовать с бояр полон козла.

Он подмигнул и нижней губой захватил в рот реденький ус.

— А ежели недохват, поглазели бы в постелях у боярынь.

Каждый день Иоанн слушал гонцов. От вестей он веселел и становился увереннее в себе.

Бояре негодовали. Видывали они позоры от Грозного. Но чтобы в светлицы к женам и дочерям смерды врывались да по постелям обыскивали, — николи не бывало.

И все чаще слышалось в хоромах боярских:

— Краше терпеть от природного государя, нежели выносить издевку от татарина крещеного, Бекбулатовича.

А Симеон, что ни день, то получал из Александровской слободы грамоту за грамотой, выдавая их земщине, как свою волю.

Зачастили в слободу князья-бояре. Ряполовский, Овчинин Димитрий, Курбский Андрей — вели осторожную беседу с царем, били челом на хана касимовского.

Потчевал Грозный родовитых гостей студеной водой да лепешками просянными, густо посолонными, мирские речи сводил на духовные, смиренно вздыхал, и все больше стоял на коленях, на каменных плитах, перед оплечным образом святого князя Володимира Равноапостольного.

III

Стон стоял в Московии:

— Антихрист пришел!

Верные людишки царевы подняли народ.

— Волим собора. Челом бьем Иоанну Васильевичу. Самодержавству его начало от святого Володимира. Он родился на царстве, а не чужое похитил!

И игумены, и архиереи, и все духовенство, от высшего и до крайнего сана, поклонились в пояс вотчинникам-боярам:

— Волим собора. Не было того на Руси, чтобы дарственные отбирать от монастырей. Не было того, чтобы как ныне, точно ворог лихой, басурман Симеон из храмов

божных вывозил злато, серебро и самоцветные камни бесценные.

И когда прочли в Александровской слободе грамоту Бекбулатовича о том, что отбирает он дарственные, которыми владеют все монастыри русийские, — Иоанн Васильевич при гостях, боярах, разорвал на себе рясу иеромонашью и заперся в келье на трое суток. Впускал он к себе только Фуникова и совещался с ним о дальнейшем. Тайный приказ Иоаннов об отобрании монастырских богатств был выполнен Бекбулатовичем точно. Оставалось только выработать план, как действовать дальше.

Было великое постичанье в слободе и неумолчно перекликались колокола скорбными погребальными перезвонами.

На четвертые сутки пошел царь санями на Москву.

Красная площадь вся до отказа была усеяна народом.

В изодранной рясе, опираясь на посох, сутулый и скорбный, вышел на площадь царь.

Он попытался что-то сказать, но из груди вырвался надрывный стон. Неожиданно Иоанн вцепился руками в свои волосы, повалился на землю и зарыдал.

Вздрыгнула площадь. Там и здесь послышались всхлипывания. В дальнем конце выли и причитали Фуников. Ему вторили — Гришка Грязной, Вяземский-князь и какие-то люди в монашеских одежках.

Грозный бил себя иступленно в грудь кулаком:

— Сетовали, — дескать, я лют, лют я, господом данным вам государь? Ныне сами уразумели, каково без меня, каково стаду без пастыря. Монастыри православные лихой татарин ограбил. Сиротинушка моя плачет! Московская земля родимая плачет!

В тот же день верными холопьями Иоанновыми был созван собор. Решили бить челом Иоанну Васильевичу, чтобы показал он милость народу и вернулся на стол.

Грозный невесело выслушал волю соборную. Поклонился на все четыре стороны, двумя перстами больно впивался в лоб, в грудь и в плечи, творил с иступленною верою крест за крестом, и, окончив молитву, прокричал неожиданно резко, обдавая толпу ястребиным и злым покаяющим взглядом.

— Не пойду, ежели с израдою нету мне воли расправиться!

Он поднял руку и зашевелил пальцами, точно встревоженными клещами.

— Кой я царь?.. Коли всюду израда!

И сразу, со всех сторон откликнулись приставленные Фуниковым и Грязным людишки:

— Кой царь, коли всюду израда! Пусть владеет нами, как бог его просветит! И да будет слово его на земле, что слово господне на небеси.

Поздней ночью позвал Иоанн Васильевич своих советников в опочивальню кремлевскую.

— Добре послужили, холопы мои, государю.

Фуников устремил ввысь любовный взгляд голубых простодушных глаз.

— Живот положим за тебя, царь-государь!

И за ним, отвесив земной поклон, нежным эхом все повторили:

— Положим... живот... за тебя... царь-государь.

Иоанн склонился над описью монастырей. Отметив крестом название монастырей, в которых скопилось много богатств, он натруженно разогнулся и сладко зевнул.

— Утресь, Борис, пускай Висковатый под твой подкал грамоту пишет. Дескать, отдает царь и великий князь дарственные. Да гляди, кой монастырь убогий, прирежь для виду землицы ему с угодьями.

И, подмигнув игриво, ткаул в опись:

— А эти, что со крестами моими, в казну мою отойдут.

Он притопнул ногой и заложил руки в бока:

— И на Ливонский поход и на торг через Обдорские и Кондинские северные земли с атличанкой, поди, наберется. Славны да богаты монастыри русийские!

Вяземский отвесил поклон.

— Дозволь молвить, царь.

— Сказывай.

— Еще для извода израды учинил бы ты, как давно замыслил, особых людей.

Грозный прищурился. Захватив в кулак клин бороды, он раздельно, по слогам, произнес:

— Божиим просветлением волю аз показать милость земле русийской: быти при мне от сего дня опричным людям на страх земским князьям-боярам.

Он стукнул себя пальцами по лбу.

— Ведь, эка, про татарина позабыл...

Посылаю его сызнов в Касимов, да за службу за верную жалую с моего плеча шубою россомашею.

И сквозь хриплый смехок:

— А с устатку — шутов волю да хмельного вина. Пей, верные холопы мои, до зари!

К. Шильдкредт.

Продолжается прием предварительной подписки НА ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ „ДЕСЯТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“

В сборнике: Ф. Ф. Раскольников — Партия за 10 лет; В. В. Шмидт — Пролетариат СССР; А. П. Серебровский — Советская промышленность; В. П. Милютин — Советская деревня; Я. С. Ганецкий — Товарообмен; Ю. А. Ларин — Частный капитал и государственное хозяйство; В. А. Обух — Охрана здоровья трудящихся; Р. Л. Самойлович — Естественные богатства СССР; П. М. Керженцев — Культура Советского Союза; А. Н. Бах — Наука в эпоху социалистического строительства; А. В. Луначарский — Искусство в СССР; Б. Е. Штейн — Наши международные отношения; Я. Х. Петерс — Защита революции; С. С. Каменев — Красная армия; П. Н. Лепешинский — Ушедшие; М. Е. Кольцов — Десять Октябрей.

Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения советской страны.

Цена сборника по предвар. подписке в переплете (I изд.) — 2 р. То же в изящном коленкоре (II изд.) — 2 р. 50 коп.

ПО ВЫХОДЕ ИЗ ПЕЧАТИ ЦЕНА БУДЕТ ПОВЫШЕНА.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: МОСКВА, ИЗД-ВО „ОГОНЕК“.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

1889 г.

Дом в Н.-Новгороде, где А. М. провел свое детство.

В редакции марксистского журнала „Наша жизнь“.

Нижегородская тюрьма, в которой сидел А. М. в 900-х годах.

Алексей Максимович в редакции „Низгородский Листок“, 1904 г.

М. Горький с М. Ф. Андреевой, Н. Е. Бурениным и Зиновием Пешковым у водопада Ниагара. 1906 г.

По выходе из тюрьмы. 1901 г.

М. Горький писатель.

М. Горький.

В. И. Ленин и М. Горький на II конгрессе Коминтерна. 1920 г.

М. Горький с Г. Уэллсом. 1920 г.

М. Горький на прогулке. 1927 г.

МАКСИМА ГОРЬКОГО

начало". 1899 г.

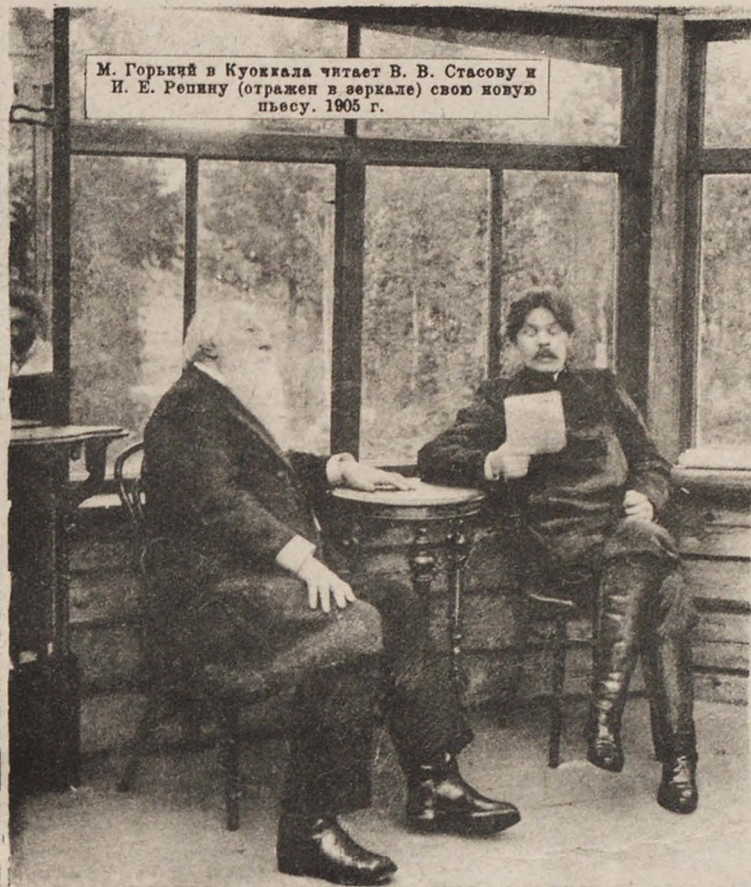
ко-

и в Нью-Йорке, в клубе молодых
тей. Справа—Марк Твен. 1906 г.

на банкете в Бостоне. 1906 г.

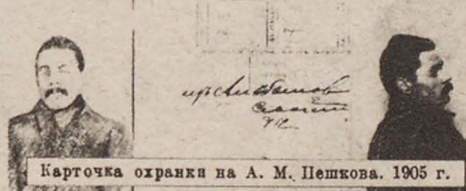
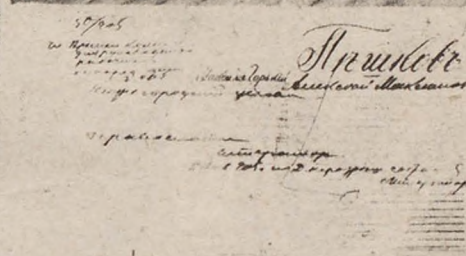
М. Горький в Куоккала читает В. В. Стасову и
И. Е. Репину (отражен в зеркале) свою новую
пьесу. 1905 г.

М. Горький председательствует на митинге интеллигенции
в Таврическом дворце. 1918 г.

М. Горький и М. Ф. Андреева на пути
в Америку. 1906 г.

Карточка охранки на А. М. Пешкова. 1905 г.

М. Горький среди советских моряков. 1925 г.

1926 г.

Внука А. М.

СТУДЕНТЫ ДОМА

Стихи *Ивана Приблудного*. Рисунки *Евг. Мандельберга*.

Неопикуемым жилищам — студенческим общежитиям.

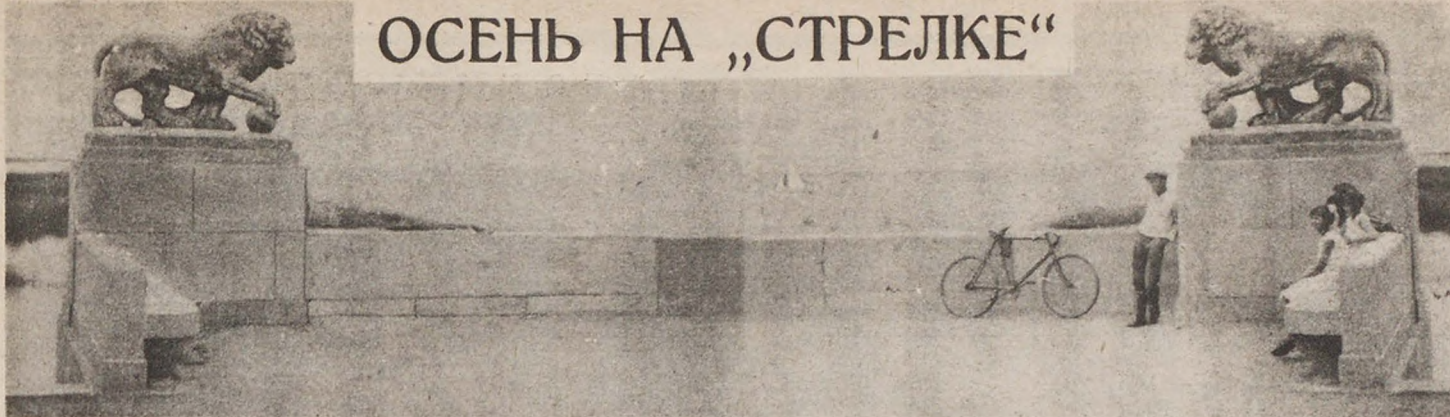
Мир не очень-то широк,
Вот оно — раздолье:
Три сажени поперек
И в длину не более.
Что за странная страна?
Что за автономия?
Кем так строго введена
Эта экономия?..
Ни особенных перин,
Ни ковров особенных,
Мало мягкого для спин,
К нуждам приспособленных.
Ряд кроватей, ряд столов,
Да над книг страницами —
Ряд взлохмаченных голов
С молодыми лицами.
Перочинные ножи —
То длинные, то куцые,
Готовальни, чертежи,
Модели да конструкции.
Таракан ползет стеной,
Клоп ему сопутствует;
Даже примус трудовой,
И тот, поди, отсутствует.
Дует в печку паренек,
Сор метет коленями,

Еле спорит огонек
С мокрыми поленями.
На дощечке на виду
Кто-то нацарапал:
„Соблюдайте чистоту, —
Не сорите на пол“.
Но дежурный хмурит лоб:
Пол рябит окурками,
Что ни гвоздик — гардероб
С брюками, с тужурками.
Ручки, кружки по столам,
Книги всюду — кучами..
Вот где с горем пополам
Вьют венки грядущему.
И знакомые с нуждой
За жребий стать учеными,
Эти — если грянет бой —
Не будут побежденными!

Иван Приблудный,

ОСЕНЬ НА „СТРЕЛКЕ“

В открывающейся со „Стрелки“ прекрасной панораме воды, земли и неба, можно читать, как по книге, медленную и немного грустную повесть сезонных перемен, ежегодно постигающих ленинградскую природу.

— Вы были в Ленинграде? — „Был“. — А на „Стрелке“ были? — „Не был...“ — Таким ответом можно навсегда уронить свое достоинство в глазах собеседника, который уж, конечно, был на „Стрелке“. Но попробуем у него толком добиться, почему так жалок человек, который не удосужился съездить на эту самую „Стрелку“. Наш собеседник навряд ли сумеет нам это объяснить. Если он скажет, что „Стрелка“ — это „острова“, что „Стрелка“ — это весна и осень Ленинграда, что „Стрелка“ — это прогулка на веселом пароходике по Неве, что „Стрелка“ — это излюбленное место гуляний ленинградского жителя, что это знаменитая беговая дорожка велосипедистов, что это балюстрада со львами, что это лучший вид на устье Невы, что это место свиданий, что это буфет и т. д., и т. д., — он будет бесконечно прав. Но он все-таки не докажет человеку, осмелившемуся не побывать на „Стрелке“, сколь велико это преступление. На „Стрелку“ придется съездить. И, съездив, убедиться в двух вещах: во-первых, в том, что это действительно приятно; во-вторых, в том, что могущественная традиция, которая гонит ленинградцев на „Стрелку“, бывает подчас слепа и жестока, особенно в праздничные дни. Потому что в такие дни от „Стрелки“ остается очень мало впечатления, не больше, чем от любого другого бульвара или парка, переполненного гуляющей публикой.

Лето на „Стрелке“ проходит легкомысленно, осень и весна — задумчиво и нежно. Летом на „Стрелку“ ездят веселиться на резвых пароходиках, отчаливающих от

Летнего сада, летом на „Стрелку“ переправляются целыми компаниями. Усиленно ездят на велосипедах. По вычислениям одного досужего статистика, пароходы в праздничный летний день перевозят на острова 8—9 тысяч человек, да трамвай—

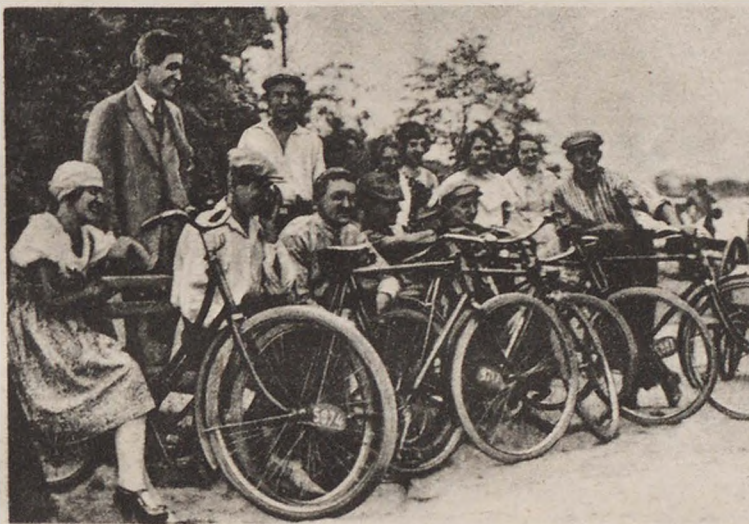
численные компании редеют). Если летом уделяют огромное внимание буфету с прохладительными напитками, то весной и осенью главное внимание уделяется открывающемуся виду. Гранитная балюстрада со львами, окаймляющая берег „Стрелки“,

играет, в зависимости от времени года, двойную роль: летом публика сидит преимущественно спиной к балюстраде и лицом к дорожкам (там летние интересы), весной и осенью публика обращается спиной к дорожкам и лицом к морю, куда центр внимания естественно перемещается для натур, настроенных созерцательно и „мечтательно“.

Летом на „Стрелке“ мелькают веселые краснофлотские фуражки, здесь шумят, смеются и лезгают семечки, собирая, однако, шелуху в карманы, сообразно заветам Откомхоза. Весною же и осенью на „Стрелке“ помалкивают. Ее посетители стараются запечатлеть виды увядающей или воскресающей ленинградской природы всеми доступными для них способами: пластинками фотографических аппаратов, холстами складных мольбертов, или просто впечатлительным глазом наблюдателя. В это время здесь почти не слышно шуток и смеха, но зато очень часто звучат мелодичные стихи Блока: об „Елагином мосте“, о „вечной холодной Неве“ и о „теплой ночи“, вновь и вновь „одевающей острова“...

Ранняя осень на „Стрелке“ заманчива для многих не менее, чем ее весна.

М. Тарловский.

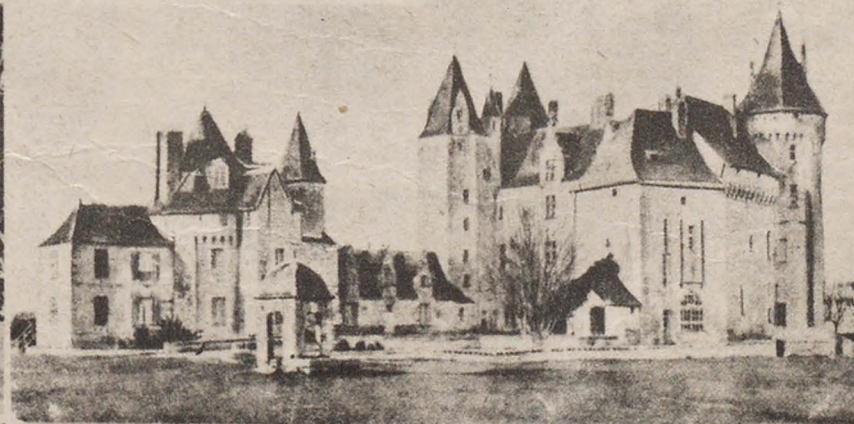
Излюбленное место прогулок ленинградцев.

15—18 тысяч, не считая уже идущих пешком. За 20 минут летнего праздничного дня через один только Елагин мост на остров скатывается 160 велосипедистов. Что касается автомобилей, то и они не забывают каждые несколько минут всплыть и задымить людные дорожки острова, вызывая по своему адресу град возмущенных реплик всех степеней выразительности.

Это летом. Весною же и осенью на „Стрелку“ ходят пешком (трамвай не доходит); идут в одиночку и парами (много-

65-летие автора «Синей птицы»

Знаменитый писатель Морис Метерлиник недавно отпраздновал 65-летие со дня рождения. Метерлиник обычно считается бельгийским писателем, так как он родился в Генте, однако уже в 1896 г. он переселился в Париж, где посвятил себя литературной деятельности. Среди его гуманных, символических драм, исполненных крайнего фатализма, приятно выделяется прекрасная сказка „Синяя птица“, до сих пор державшаяся в репертуаре наших театров. Ведущий уединенную жизнь Морис Метерлиник недавно приобрел старинный замок Кудре-Монпансье, сохранивший стиль XV века. Здесь, в спокойной атмосфере французской области Турень, знаменитый поэт, драматург и философ ведет простую жизнь, богатую творчеством. На снимках: слева — последний портрет Мориса Метерлиника; справа — новое жилище Мориса Метерлиника: замок Кудре-Монпансье в Турени (Франция).

Новый полпред СССР в Польше. Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР назначил тов. Богомолова,

Дмитрия Васильевича, полномочным представителем Союза ССР в Польше.

Фот. С. Фридлянда.

«Что нам до шумного света, что нам друзья и враги...» Этот старинный роман раздается теперь в двух уголках земного шара. Во-первых, его поет бывший главнокомандующий армии Чан Кай-ши, решивший после своей отставки уйти в буддийский монастырь.

К такому же решению, естественно, независимо от китайского генерала, пришла и вдовствующая румынская королева

Мария. Ловкая интриганка устала от борьбы с властным политическим деятелем Братяну и тоже грозит постричься в монахини.

На снимках: слева — Чан Кай-ши в роли буддийского монаха; справа — недавняя «кино-звезда», королева румынская Мария в преддверии монастырской жизни.

1866 г.

80-летие генерала Гинденбурга. 2 октября буржуазная Германия празднует 80-летие со дня рождения генерала Гинденбурга, президента республики. Характерно, что буржуазная пресса, отмечая юбилей, посвящает свои странички описанию военной карьеры генерала Гинденбурга, а не его общественной деятельности. Газеты сплошь и полностью наполнены нижеприводимыми снимками и подробностями из биографии Гинденбурга. Пауль Людвиг-Ганс фон Венекендорф и фон-Гинденбург родились в Познани 2 октября 1847 г. в семье прусского офицера. С ранних лет он был воспитан в духе воинствующего

империализма; в 1858 г. поступил в кадетскую школу в Силезии, и затем был переведен в Берлин.

В прошлом году немецкие милитаристы отпраздновали 60-летие военной деятельности Гинденбурга: в 1886 г. Гинденбург в чине лейтенанта вступил в почетный гвардейский полк боевое крещение получил в битве при Кениггреце. Он принимал участие во франко-прусской войне 1870—71 гг. уже в чине адъютанта. Идя все выше по лестнице чинов, Гинденбург-генерал — вышел в отставку в 1911 г. в 65-летнем возрасте. Мировая война застала его на отдыхе в Ганновере. Гинден-

1916 г.

С настоящим номером журнала рассылается книжка Г. Гейне — «Путешествие на Гарц». Непревзойденное описание этого путешествия сохранило и в наши дни и для нашего читателя огромный интерес. Немецкая провинциальная обывательщина, тушность немецких филистеров и

все то, над чем так остроумно издевался Гейне — увы, не умерло еще сейчас. И сейчас оно угнетает все, что стремится к борьбе со старым миром. Перевод Ал. Дейча вполне художествен.

Портрет относится ко времени работы над «Путешествием на Гарц».

В книжку Пантелеймона Романова вошло окончание рассказа «Воз черемухи». Окончание известного рассказа даровитого писателя художествен-

но обосновывает острое положение первой половины рассказа, вызвавшие в свое время нападки. Книжка П. Романова рассылается с настоящим номером журнала.

бург становится в ряды армии: 23 августа 1914 г. его назначают главнокомандующим VIII армии. Он до конца войны остается на фронте. После смерти первого президента Германской республики Фридриха Эберта Гинденбург был избран президентом 28 апреля 1925 года. Историей своей жизни генерал Гинденбург описал в мемуарах, изданных в Германии в 1920 г.

На снимках: 18-летний лейтенант фон-Гинденбург; генерал фон-Гинденбург в дни мировой войны; президент Германской республики Гинденбург.

1926 г.

За новым благословением церкви. Генерал Фох, возглавляющий новую кампанию нападения на СССР, обуреваем «рели-

гиозным рвением». Он посетил собор в Лувене и получил благословение от бельгийского кардинала Мерсье. В ближайшее время в «Огоньке» будет напечатана неопубликованная статья Фоша о будущей войне.

В ближайшее время БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» выпускает в свет книжку «М. ГОРЬКИЙ В ПОРТРЕТАХ и ФОТОГРАФИЯХ»

Политика террора в Литве. Рост фашистских настроений в Литве сказывается не только в системе угнетения рабочего класса, но и в стремлении литовских реакционеров подавить всякое движение со стороны населения Литвы меньшинств.

После попытки путча в Таурогене литовские власти произвели массовые аресты. Из Мемельской области выслан немецкий редактор газеты Лейбнер и множество других немцев. На снимке: литовские полицейские ведут арестованного редактора немецкой газеты в Мемеле — Лейбнера.

К 10-летию ОКТЯБРЯ

Вышли, готовятся и предполагаются к печати следующие книжки:

Ефим Зозуля — Встречи (с предисловием А. В. Луначарского); М. Беккер — Пролетарская литература; Ангелогли — Повесть войны и революции на Западе; Ив. Свиридов — Из полевой книжки; Литература Казахстана; Мих. Колюцов — Звездочеты; Н. Лежневский — В пути; А. Аросов — Барабанщик Рыжий; В. А. Шенцов — Октябрь — Ленин и др. Полный список будет опубликован.

ТЫСЯЧИ ВОЛЬТ

Еще так недавно весь мир с содроганием узнал о том, что мощный электрический ток в несколько тысяч вольт лишил жизни двух революционеров — итальянцев Сакко и Ванцетти. Даже полнейшие невежды в области учения об электричестве с легкостью говорят о вольтах и вольтаже, как о привычном и знакомом. Между тем, некоторые не знают, что название „вольт“ происходит от собственного имени знаменитого итальянского ученого Александра Вольта.

На днях Италия будет торжественно праздновать столетие со дня его смерти.

Вольта родился в Комо, в 1745 году. В конце XVIII века наука об электричестве была еще в зачаточном состоянии. В глубокой древности люди знали о так называемом статическом электричестве, наблюдая его явления при помощи палочки янтаря, натертой о шелк или сукно и притягивающей небольшие кусочки бумаги. В XVIII веке уже умели строить статические машины, из которых более или менее удачно извлекали электрические искры. В 1748 году изобретение лейденской банки дало возможность собирать электричество, добытое из статической машины. Все эти открытия произвели большое впечатление на ученых своего времени, которые, однако, не могли исчерпывающе объяснить все эти явления.

С ранних лет Вольта заинтересовался электричеством и его природой. Он изобрел последовательно такие приборы, как электрофор, конденсатор, человеческий элемент и др. Уже на склоне дней, в 55-летнем возрасте, Вольта, благодаря счастливому стечению обстоятельств, наткнулся на изобретение прибора, получившего название „вольтова столба“.

История знает много примеров, когда величайшие открытия и изобретения приходили в голову гениальных ученых и исследователей совершенно неожиданно. Стоит припомнить хотя бы всем известный анекдот о том, как Ньютон благодаря яблоку, упавшему с дерева в его саду, открыл закон всеобщего тяготения. Точно так же и открытие вольтова столба произошло благодаря такому не особенно важному факту, как простуда одной гражданки города Болоньи. Гражданка эта, жена ученого Гальвани, почувствовав недомогание, пригласила к себе врача, который прописал ей такое странное на наш вкус лекарство, как суп из лягушек. Не будем забывать, что дело происходило в 1790 году! Когда несколько лягушек, уже приготовленных кухаркой Гальвани для варки, лежали на столе, случайно неподалеку от стола разрядили электрическую машину. Мускулы лягушек, несмотря на то, что их не коснулась искра, все же пришли в движение при появлении искры. Повторение этих опытов давало такие же положительные результаты.

Ученые физиологи, ухватившись за эти явления, пошли по неправильному пути, стараясь отыскать связь между ними и деятельностью всего животного организма. Если Гальвани предполагал, что в теле животного можно усмотреть нечто в роде лейденской банки, накапливающей электри-

чество двух родов, то Вольта быстро опроверг это мнение. Он вызывал содрогание членов лягушки, прикасаясь металлической пластинкой не к мускулу и нерву, а только к одному мускулу. Таким образом, разговоры о положительном электричестве нервов и отрицательном — мускулов — липились научной базы.

Вольта не остановился на этом. Он признавал, что электричество являлось причиной движения членов мертвых лягушек, но он считал, что мускул играл здесь пассивную роль, являясь лишь проводником, с помощью которого происходил электрический разряд. Он также настаивал на том, что электрический ток являлся неизбежным следствием прикосновения двух тел, из которых одним была — металлическая пластинка, а вторым — орган лягушки.

Благодаря Вольта теория о „животном электричестве“ скоро потеряла всех своих приверженцев. Оставалось признать, что и явление, возникающее благодаря контакту двух металлов — чисто электрического происхождения. Если в определенном порядке прикоснуться языком к двум различным металлам, в момент их контакта легко почувствовать кислый привкус. Это наблюдение Вольта также отнес за счет электричества. „Не естественно ли, — говорил Вольта, — вывести однородность причин из схожести следствий и приравнять первый опыт ко второму“.

Проникновенный гений Вольта сумел объединить все свои наблюдения в одном основном опыте. Непосредственно друг к другу он приложил два кружка: один из меди, другой из цинка, — при чем кружки были снабжены изолированными ручками. С помощью этих ручек кружки можно быстро отделять один от другого.

отрицательном. Быстро отрывая один кружок от другого, Вольта приближал то один, то другой кружок к конденсатору. Возобновляя несколько раз контакт двух кружков, раз'единяя их и прикасаясь одним из них к конденсатору, Вольта стал извлекать из этих кружков искры, как из электрической машины.

Этот опыт сыграл решающую роль в теории электричества. Стало ясно, что с помощью простого контакта различных металлов можно добывать электричество, и оставалось только изобрести наиболее простой способ такого добывания электричества. На заре XIX века, в самом начале 1800 года, Вольта построил длинный столбик из цинковых и медных пластинок, раз'единенных кружками из намоченного сукна, все время сохраняя такой порядок. Этот простой прибор, вошедший в историю, как вольтов столб, сыграл не меньшую роль, чем телескоп или паровая машина.

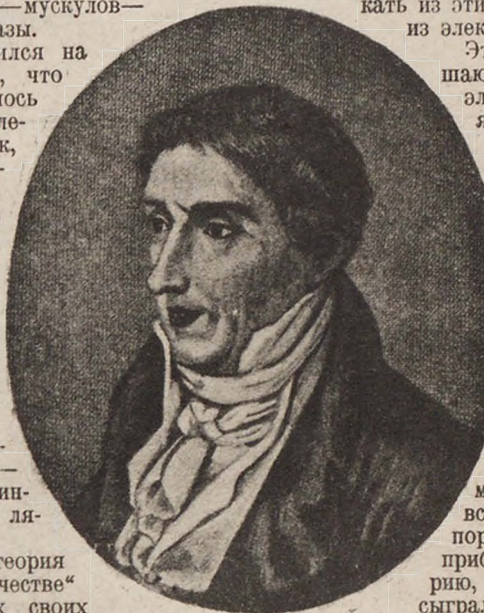
Александр Вольта не жил уединенной жизнью кабинетного ученого. Он находился в постоянных сношениях с крупнейшими естествоиспытателями своего времени, особенно с Лапласом и Лавуазье. Ко времени изобретения своего столба Вольта был профессором университета в Павии. Наполеон, старавшийся выказать себя покровителем наук и искусств, пригласил Вольта в Париж для того, чтобы он продемонстрировал свои опыты в заседании академии наук. Наполеон, именовавшийся тогда еще „гражданином Бонапарте“ и первым консулом, осыпал его знаками внимания, велел вычеканить золотую медаль в честь „гражданина Вольта, первого иностранного ученого, который после мира прочел доклад в лоне академии“.

Другие европейские академии наперерыв осыпали почестями Вольта. Но великий ученый вел попрежнему простой и скромный образ жизни. Биографы Вольта охотно рассказывают со слов его современников о том, как ученый шокировал чопорных аристократов, не стесняясь забегать между делом в булочную и есть на улице свежий хлеб, несмотря на удивленные взоры прохожих.

Работы Вольта в области электричества открыли новый период и дали мощный толчок к дальнейшему его изучению. Вот почему юбилей Вольта является не только национальным итальянским праздником, а днем, который помянет все человечество, ежедневно, ежедневно пожинающее плоды великих побед науки над

загадочными в былое время силами природы.

М. Орлов.

Знаменитый итальянский ученый Александр Вольта.

Вольта показывает действие вольтова столба „гражданину Бонапарте“ — первому консулу Наполеону в Париже. С картины Джузеппе Бертини.

Опыт показал, что оба металла находятся в различных друг к другу электрических состояниях: цинк — положительном, а медь —

Я родился в Петербурге, в буржуазной семье. Средства, собранные отцом и перешедшие по наследству к его детям (после 1917 г. никто из них не сделался эмигрантом и не сберег своего состояния), позволяли мне не отвлекаться от научных занятий ради принятии заработка, не останавливаться перед крупными расходами для пополнения своего образования и для удовлетворения своей любознательности, в том числе перед расходами на путешествия. Не обладая обширным образованием (он кончил курс коммерческого училища старого времени), отец тем не менее создал значение науки; заметив во мне по первым детским наивным опытам некоторый талант историка, он вполне поддерживал мои стремления и говорил мне, что мало выгодное в материальном отношении поприще ученого дает нравственное удовлетворение, вполне заменяющее материальные выгоды.

После окончания курса гимназии для меня, при моей склонности к историческим наукам, могло быть колебание только между двумя университетскими факультетами: историко-филологическим и восточных языков. Историко-филологический факультет переживал тогда (во второй половине восьмидесятых годов) тяжелое время; предъявлялись чрезмерные требования по древним языкам и почти не оставалось простора для специализации; кроме того, передо мной был пример старшего брата (ныне покойного), мало удовлетворенного избранным им историко-филологическим факультетом. Я решил поступить на факультет восточных языков, еще ничего не зная ни о его программах, ни о составе его преподавателей. История Востока была представлена только одним преподавателем, профессором Веселовским, читавшим в качестве общего курса историю европейских путешествий по Востоку и, кроме того, несколько курсов по истории Средней Азии. Специалистом по истории Средней Азии был также учитель и предшественник Веселовского—профессор Григорьев. Традицию, установленную в этом отношении моими предшественниками, продолжал и я. Мне казалось вполне естественным, что русского востоковеда-историка привлекает область, географически и исторически более близкая России, чем другие восточные страны, область, где русский ученый располагает материалом, гораздо менее доступным западно-европейскому. По мере общих успехов русской научной мысли русское востоковедение стало более примыкать к западно-европейскому, чем к русским традициям. Для него теперь имел большое значение вопрос о важности той или другой области в истории мировой культуры, чем вопрос о специальных задачах русской науки, определяемых географическим положением СССР и составом его населения. Я и теперь, как в 1892 г., считаю, что это явление, рядом с положительными сторонами, имеет и отрицательные: «отказываясь от изучения северных окраин древне-восточного, мусульманского и буддийского мира ради изучения основ каждой культуры, русское востоковедение вместе с этим отказывается от внесения в европейскую науку нового материала и соглашается довольствоваться разработкой материала, уже затронутого западно-европейскими учеными».

На студенческой скамье мною была написана работа на тему, предложенную Веселовским: «Христианство в Средней Азии», удостоенная серебряной медали, но вообще я в своих университетских занятиях, подобно другим молодым востоковедам того времени, находился больше под руководством профессора-арабиста барона Розена. Талантливый и энергичный, он привлекал к себе начинающих востоковедов. Под влиянием Розена я находился и в университете,

и в особенности после его окончания, когда, по его совету, поехал на год в Германию. Помимо научного руководства, Розен видел в каждом ученике, в том числе и во мне, лично близкого ему человека, и эта близость продолжалась до его смерти.

Помимо преподавателей, я был счастлив и в товарищах. В истории факультета выпуск, к которому принадлежал я, считается исключительным; едва ли был еще другой пример, чтобы все экзаменовавшиеся были удостоены диплома первой степени. Наши успехи были объяснены нашей малочисленностью и нашей сравнительной материальной обеспеченностью. Конечно, это объяснение было быстро опровергнуто последующими выпусками, столь же неудачными, как и предшествовавшие нам.

Владимир Васильевич Бартольд.

Из моих товарищей по курсу профессором одновременно со мной сделался турколог Мелиоранский, скончавшийся в 1906 г., с которым меня соединяла тесная дружба. Через Мелиоранского я после окончания университета познакомился и, насколько это было возможно при разнице в возрасте, близко сошелся с туркологом академиком Радловым. При тесной связи между туркологией и историей Средней Азии это сближение принесло большую пользу моим научным занятиям, но ближайшим его последствием были некоторые неудачные шаги. Радлов в то время приступил к переустройству музея антропологии и этнографии при Академии Наук и сделал попытку привлечь меня к музейной работе, к которой я оказался совершенно неспособным и от которой скоро отказался.

Под влиянием Радлова я был командирован Академией Наук и университетом в Среднюю Азию для разведочных археологических работ; эта экспедиция не принадлежала к числу удачных. Не вполне успешно была выполнена и более сложная археологическая задача, возложенная на меня в 1904 г. также не без влияния Радлова—производство раскопок в Самарканде. Каждая новая попытка в этом направлении лишняя раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над вещественными памятниками истории. Вполне в своей сфере я чувствовал и чувствую себя только во время кабинетной работы над письменными источниками. Из всех моих поездок в Среднюю Азию самой успешной была поездка 1902 г., когда передо мной не было других задач, кроме ознакомления с рукописными памятниками. В области истории Востока,

вследствие обилия никем еще не использованного материала, при чтении рукописей часто испытываешь такое же наслаждение пионера, открывающего новый мир, как при производстве раскопок на месте старых городов. Правда, такое состояние науки имеет и отрицательные стороны. Один из классических филологов в ответ на замечание своего ученика: «История Востока гораздо интереснее, чем история Греции, так как она гораздо менее исследована», стал доказывать обратное: «Греческая история гораздо интереснее восточной именно потому, что она гораздо более исследована: более или менее закончена черная работа собирания и приведения в известность материала, готов, хотя и не вполне, фундамент, и можно возводить здание». Разумеется, каждый по-своему прав, и профессор, и его ученик, и субъективный вопрос об интересе допускает различные решения, в зависимости от индивидуального темперамента.

Я не буду, конечно, касаться вопроса о результатах произведенной мною исследовательской работы, начиная с появления в печати в 1892 г. первых моих статей. Помимо петербургских научных учреждений, эти работы были тесно связаны с деятельностью научных учреждений и отдельных исследователей в Туркестане. В Туркестане же была сделана в 1926 г. попытка общей характеристики моей научной деятельности. Характеристика до некоторой степени имеет юбилейный характер (она была приурочена к тридцатилетию моей преподавательской деятельности).

К сожалению, условия русской жизни никогда не давали возможности следовать известному английскому афоризму: «лучшее дело, которое может делать человек, это то, которое он лучше всего может делать». Вследствие недостаточности научных сил, едва ли не каждому русскому ученому приходилось брать на себя и такие обязанности, к которым он не чувствовал призвания. Помимо работы над письменными источниками, мне всегда приходилось отдавать много времени преподавательской деятельности, судя по отзывам в печати не совсем безуспешной, но, несомненно, не составляющей моего призвания; приходилось также принимать участие в работах по изучению памятников материальной культуры.

После превращения России в СССР, появления советских республик на Востоке и тесного сближения между СССР и новой республиканской Турцией, еще увеличился спрос на мою популяризаторскую деятельность, печатную и устную. Помимо увеличения преподавательских обязанностей в Ленинграде, приходилось принимать приглашения со стороны и читать лекции в Ташкенте и Баку, и даже за рубежом—в Лондоне и Константинополе. Эти лекции потом большей частью появлялись в печати. Только что мною получена книга на турецком языке, содержащая лекции по истории среднеазиатских турок, читанные мною в Константинопольском университете в 1926 г.

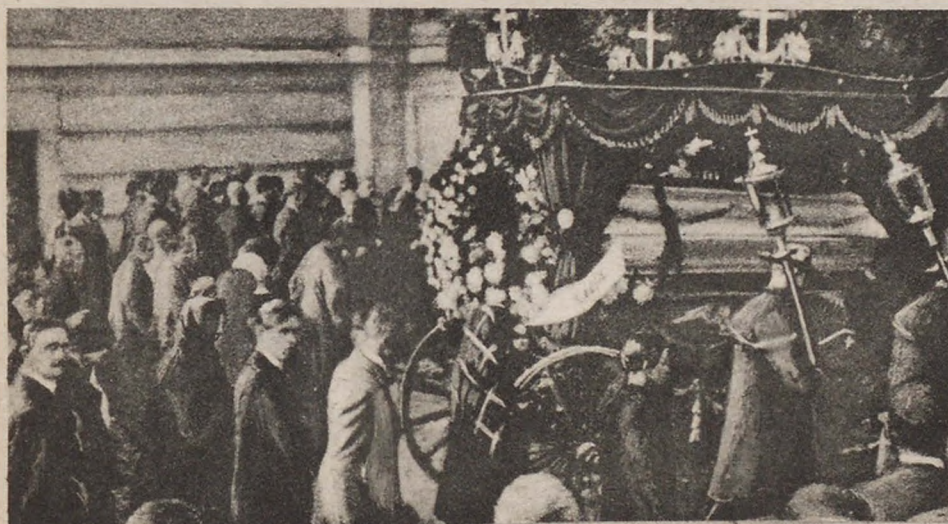
Общий характер моей научной деятельности остался прежний. И прежде, как было признано в печати, мною везде, где давали возможность источники, обращалось внимание на значение в истории экономического фактора и основанной на экономических причинах сословной борьбы. Насколько мои труды способствовали освещению той мало исследованной области, над которой мне приходилось работать (преимущественно история Средней Азии, отчасти также история Ирана и вообще мусульманского мира), об этом я предпочту судить другим.

Проф. В. Бартольд.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ. Лагерь в ялтинском саду после землетрясения.

Фот. А. Муратовского.

„ПО ПЕРВОМУ РАЗРЯДУ“. Похороны белобандита Трайковича, убитого в здании Советского посольства в Варшаве, собрали толстую кучку представителей варшавской колонии русских эмигрантов. Ближайшее участие в организации похорон неудачного „Коверды № 2“ принимала вдова писателя Арцыбашева. На снимке — похороны Трайковича в Варшаве. За гробом идет белогвардейская „дама-патронесса“ Арцыбашева.

СТОЯНКА ДОИСТОРИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА. Археологической экспедицией закончены раскопки на р. Ирпюсе при впадении в Енисей. Обнаружены следы доисторического человека. На снимке — отмычка находок.

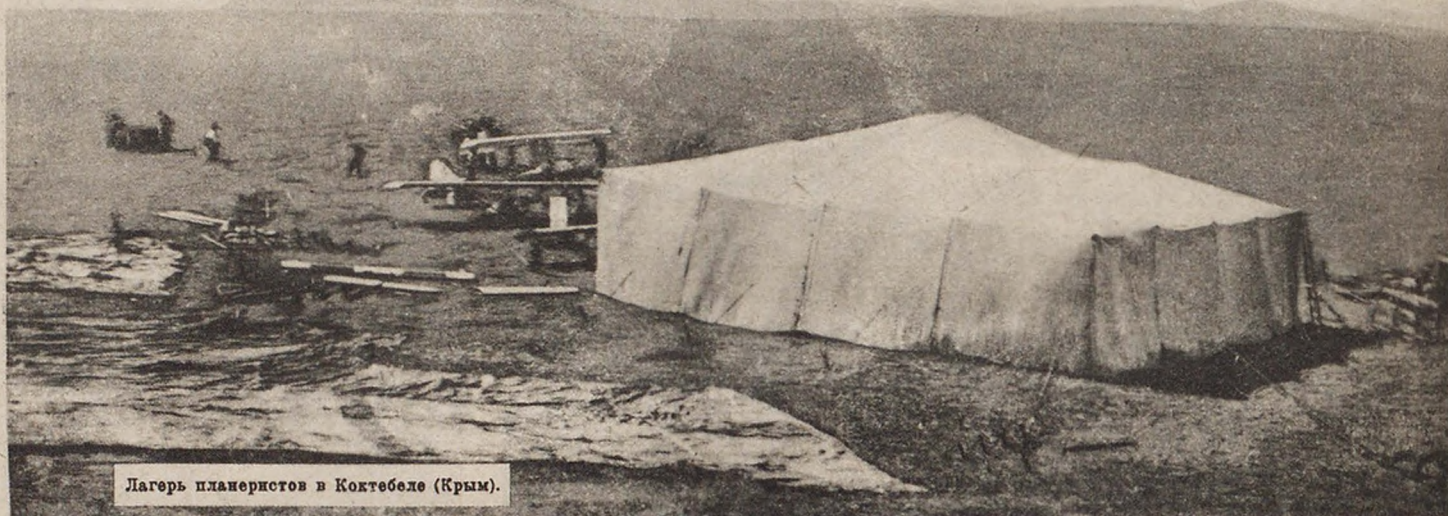
ПРОЦЕСС МОНАРХИСТОВ-ТЕРРОРИСТОВ. На снимке (слева направо): Балмасов, Сольский, Строевой, Самойлов и Адеркас. (См. 1-ю стр.).
Фот. А. Бродского.

Планер в полете.

Фот. С. А. Красинского.

Лагерь планеристов в Коктебеле (Крым).

Редактор **МИХ. КОЛЬЦОВ**. Издатель—**АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“**. Неприятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника—воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 9, Страстной бульв. 11. Ред. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА—Москва 9, Страстной бульв. 11; телефон: 3-12 56. Отд. Распротв.—51-69, 80-64. Подотдел подписки—1-28-19. Рекламно—1-35-23. Бюро иногородн. объявлений—3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКО-Т. ЕЛЕНИН—Проспект 25 Октября, д. 1. тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр.—1500 р., строка непрерывн.—2 руб. 50 коп. Сверх тарифа—10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на „Огонек“ с одним прил. „Альбом Советского Юмора и Сатиры“ (год и полугод. подп.) 1 м.—40 к., 3 м.—1 р. 20 к., 6 м.—3 р. 1 г.—5 р. с двумя прил.: 1) тома „10 лет Советского строительства“ и 2) „Альбома“ (только годовым и полугодовым) 6 м.—4 р. 50 к., 1 г.—6 р. 50 к. с тремя прил.: 1) „Библи. Огонек“ (еженед. 2 кн.) 2) „10 лет Совет. строит.“ и 3) „Альбома“ (только годов и полугодовым) 6 м.—9 р. 50 к., 1 г.—15 р. Прил. „10 лет Сов. строит.“ всем отальным подписчикам „Огонька“—2 р., „Альбом“—1 р.

ЕСЛИ Вы недовольны средствами для ухода за зубами, которые Вы употребляли до сих пор, и ожидаемые результаты ухода за ними не заметны, то попробуйте **ЗУБНУЮ ПАСТУ**

ХЛОРОДОНТ

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия "А" Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка
в изысканном футляре—21 предмет.
"Б" " 2 р. — Домашняя аптечка—21 предмет.
"В" " 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—24 предм.
"Г" " 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—31 предм.
"Ж" " — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—
8 пр. (высылается не менее 3 шт.)
"Д" " 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
"З" " 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.
Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш
точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложен-
ным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ
пишете на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.)
пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка
за счет заказчика.

Прейс-куррант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

КАРМАННАЯ "ДОРОЖНАЯ"
АПТЕЧКА

ГОСМЕДТОРГПРОМ
ХИМФАРМЗАВОД
ИМ.
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

ПРОИЗВОДСТВО
НАРОДНЫХ
МУЗЫКАЛЬНЫХ
ИНСТРУМЕНТОВ
ВИНОГРАДОВА
Москва, Центр, Б.
Сухаревск. пл. д. 9/4.
ВЕНСКИЕ 2-м 3-рядн.
гармоники.
БАЯНЫ и ПОЛУБАЯНЫ. ЦЕНЫ
— ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ.
Прейс-куррант высыл. за три 6 коп.
герб. марки. Письма и заказы напр.
Москва, почтамт ящ. № 739.

Подарок молодым хозяйкам
ДЕШЕВЫЙ СТОЛ
Кулинарная книга, свыше 300 мяс-
ных и вегетарианских блюд, с
приложением
МЕНЮ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ
Цена с пересылкой 95 к. налож.
плат. 1 р. 10 к. Заказы направлять:
Москва Центр, почтовый ящик 794
З. АЛЬШЕВУ.

БИБЛИОТЕКА БУХГАЛТЕРА И СЧЕТОВОДА

ИЗДАНИЕ ДЛЯ САМО-
ОБУЧЕНИЯ В 12 КН.

Книги, входящие
в библиотеку:

1. Проф. А. М. Галаган—Общее
счетоводство 1 р. 60 к., 2. Проф.
Н. Г. Филимонов—Промышлен-
ное счетоводство 1 р. 75 к.
3. Проф. Н. С. Лукоцкий—Введе-
ние в коммерческие вычисления
1 р. 25 к. Проф. Н. С. Луко-
цкий—Коммерческие вычисле-
ния 1 р. 25 к. 5. Проф. А. М. Га-
лаган—Торговое счетоводство
1 р. 80 к. 6. Проф. Н. А. Кина-
ринов—Счетоводство акц. о-в и
паевых т-в 1 р. 25 к. 7. Проф.
Пауль Геротнер—Руководство к
изучению баланса 1 р. 8. А.
Шоу—Картонная система в сче-
товодстве 1 р. 60 к. 9. Проф.
Ф. Дитякин—Основы сельскохо-
зяйственного счетоводства 2 р.
25 к. 10. Ф. Б. Иоланики—Сче-
товодство сельскохозяйственных
и кредитных т-в 3 р. 11. М. А. Кошкин—Счетоводство
и бухгалтерия обществ 2 р.
25 к. 12. Ф. Г. Тиль—Банковое
счетоводство 2 р.

Все книги в переплетках.
Из печати вышли все 12 книг.

Цена библиотеки по подписке
вместо 20 р. 80 к., только 18 р.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

При подписке вносится задат-
ок в размере 3 рублей и упла-
та остальных 15 рублей про-
изводится в 10 сроков налож-
ным платежом по 1 р. 50 к.
на каждую отправку книг, на-
чиная с 1 отправки.

Первая отправка будет иметь
2 книги, а все остальные по
одной в порядке нумерации.
Отправка книг производится
один раз в месяц.

По желанию библиотека может
быть выслана сразу наложен-
ным платежом.

Заказы и деньги адресовать:
Москва, Центр, Петровка 15 35,
Торговому Отделу Издательства

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ“

Не вошедшие в этот номер
объявления будут помеще-
ны в следующем номере.

ЗУБНАЯ ПАСТА ОДЕНТИН

ЛУЧШЕЕ
СРЕДСТВО

ДЛЯ
СОХРАНЕНИЯ
И
БЕЛИЗНЫ
ЗУБОВ

ЦЕНА
ТУБИКА
25 к.

ГИТАРЫ в 13, 16, 18, 20,
25, 30, 40, 50 и 60 руб.

БАЛАЛАЙКИ в 4, 5, 6,
7, 8, 10, 12, 15, 20 и 25 руб.

МАНДОЛИНЫ в 12, 15,
18, 21, 24, 27, 30, 35,
40, 45 и 50 руб.

Заказчик предоставляет право обмена полученного инструмента или
получение обратно денег. Подробные условия в преис-курранте.
Заказы до 25 руб. высылаются налож. платеж. без задатка. Свыше
25 р. высыл. по получ. 1/2 стоимости о налож. платеж. на оставш. сумму.
Иллюстрир. преис-куррант В. С. ГОЛОВИНА И С. И. ВАХОВА
высыл. за две 8-и. марки
Фирма отделений не имеет.

ГАРМОНИИ 2-рядн.
Полувеки—23, 28 руб.
Венские—30, 38, 42, 48, 55,
65, 75, 85, 95, 105 и 125 руб.
Укачивайте русский или
немецкий строй. Одноряд-
ные от 10 руб. до 75 руб.
БАЯНЫ в 200, 220, 250, 300
и 350 руб.

ЕДИНСТВЕННОЕ
ПРО-СТВО В С. С. С. Р.

К ПИЩУЩИМ МАШИНАМ

„YOST“

КРАСЯЩИЕ ПОДУШКИ

В. Д. ЩЕТИНИН.

Ленинград, 14-й, Басков пер.
д. № 22, кв. 23, тел. 6-26-77.

Универсальный ПРИБОР с 3-мя
разными иглами
ШЬЕТ машинным швом драфт и нит-
кой. Небход. в каждом доме, в до-
роге, в походе и на охоте для
шитья сапожн., шорн, брезент.,
войлочн. изделий и конторск. бумаг.
Незаменим в крестьянск. хозяй-
стве. Ц. прибора с перес. и рук.
2 р. 50 к. При заказе 50% задатка
можно марки. Москва, Центр.
Ананиевский пер., д. 16/18.
Мех. Пр-во П. М. Загорелин.

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ЦЕНЫ И КАЧЕСТВО
ВНЕ КОНКУРЕН-
ЦИИ.

Балалайки
5.50, 7.25, 9.30
и 12 р.

Гитары
15.50, 19, 22.50
26.50 и 30 р.

Мандолины
15, 19, 22, 25 р.

ГАРМОНИИ
32, 50, 60, 75, 85
и дорожн.
ТРЕБУЕТ СМЕТЫ
НА СТРУННЫЕ
ОРКЕСТРЫ.
Треб. за две 8-и.
марки, влож. в кон-
верт, полн. иллю-
стр. пр.-кур. о бес-
платн. прил. „Исто-
рии“ муз. инстр.,
их продел и совр.
значен. пр.-доц.
С. Чеподанова, и
отем. табель-ка-
лендарь.

БЮРО ПОЧТО-ПОСЫЛКА
МОСКВА, ПОКРОВКА 16/32

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК САМОУЧИТЕЛЬ

ВСЕХ РЕМЕСЛ В ОДНОЙ КНИГЕ.
Плотничьи, столярные, токарные,
отделка деревянных изделий, корзин-
ные, бочарные, картонажные, пер-
еплетные, провололочные, кузнечные,
слесарные, токарные по металлу
паяние, лужение, никелирование,
выделка овчин, парка мыла,
выделка щеток, кистей, веревоч,
производство крахмала, зеркальные,
обувные, гончарные, печные, маляр-
ные и штукатурные работы, изгото-
вление детекторного радиоприемника.
Со 148 рисунками. Цена с пере-
сылкой 3 р. 50 к.

Можно посылать мелкими почтовыми
марками. Заказы и деньги направл.
Книжный склад „КНИГОВЕД“
Москва, 19,
ул. Герцена, 22.

ОХОТНИКАМ, любителям животных, школам, библиотекам и всем интересующимся животными рекомендуется редкая КНИГА

Владимир ДУРОВ. ДРЕССИРОВКА ЖИВОТНЫХ

СОБАК, КОШЕК, ПТИЦ, ЗВЕРЕЙ и пр.
Книга написана на основании 40-
летнего изучения животных
изложена доступным языком,
является прекрасным РУКОВОД-
СТВОМ ПО ДРЕССИРОВКЕ и чи-
тается с большим интересом всеми.
В книге 504 страницы и много ри-
сунков. Цена 3 руб., с пересылкой
3 р. 75 коп. (При высылке денег или
почт. марок вперед высылается за
3 руб.). Книгопрод. обычная книжка.
КНИЖНЫЙ СКЛАД
„КНИГОВЕД“
Москва, ул. Герцена 22.

Первая отправка будет иметь
2 книги, а все остальные по
одной в порядке нумерации.
Отправка книг производится
один раз в месяц.

По желанию библиотека может
быть выслана сразу наложен-
ным платежом.

Заказы и деньги адресовать:
Москва, Центр, Петровка 15 35,
Торговому Отделу Издательства

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ“

Первая отправка будет иметь
2 книги, а все остальные по
одной в порядке нумерации.
Отправка книг производится
один раз в месяц.

По желанию библиотека может
быть выслана сразу наложен-
ным платежом.

Заказы и деньги адресовать:
Москва, Центр, Петровка 15 35,
Торговому Отделу Издательства

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ“

ШРИФТЫ

Альбом Д. А. ПИСАРЕВСКОГО, ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАД.-АРХИТ.
Н. А. ФОМИНА, ПРИ УЧАСТИИ 32-х ЛЕНИНГР. ХУДОЖН.-ГРАФИКОВ.
Альбом содержит 95 таблиц шрифтов, из них 56 заняты алфави-
тами от А до Я (многие в красках), подробные описания построе-
ния каждого из шрифтов, методы их применения в разных
областях. Типографских шрифтов в альбоме не имеется. Каждый
из шрифтов—оригинальное произведение одного из художников
(Техонина, Белуха, Левитского, Кириарского, Жижинского, Ко-
нашевича, Литвиненко, Ляляна и т. д.). Альбом предназначен
для инженеров, чертежников, топографов, архитекторов, живо-
писцев, плакатистов, каллиграфов и т. п. Каждый найдет в нем
высокохудожеств. образцы для своих работ. Альбом вышущен
двумя изданиями: 1) на александ. бумаге, в худож. переплете—
цена 7 р. 50 к., 2) на хорош. белой бумаге, в худож. обложке—
цена 4 р. 50 к. Присылающие деньги вперед за перес. не платят.
Высылаются также наложн. платежом с добавл. пересылки.
Адресовать автору: Ленинград, Кировная ул., № 2—10.
Д. А. ПИСАРЕВСКОМУ.

Ц. 1 р. 40 к. (с пересыл.), высыл. налож. платежом без задатка. Для учреждений имеются специальные большие аппараты по цене 15 р. комплект.

ЛЕНИНГРАД, Троицкая 9.
ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
И. Е. БРУК.

1 коробка на 36 бут. вина высыл. налож. плат. за 4 руб.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распродаванную по технике, медицине, сельскохозяйственным и др. вопросам.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ ВСЕХ УЧЕБ. ЗАВЕДЕНИЙ

чр., орган. и школ. скидка. Высыл. немедл. вложенным платежом.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГ БЕСПЛАТНО.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ **А. Г. Алексеева.**

Москва, Центральный рын. № 767/0.

Красивый, нежный, цвстущий вид может иметь каждая женщина, познав секреты рационального ухода за красотой лица **ПО НОВЕЙШЕМУ МЕТОДУ Парижского Института Красоты** (Institut de Beauté), а также при помощи применения косметического самомассажа и художественного грима умело скрыть недостатки красоты и подчеркнуть ее достоинства, предохранить лицо от преждевременной старости, избавиться от морщин, угрей, пятен, веснушек, и проч. Значение важнейших источников красоты и здоровья: **ПИТАНИЕ, ВОДА, МАССАЖ, ДЫХАНИЕ.** Книга "Нуль красоты лица" с приложением рецептов докторов Ламана высыл. немедл. без задатка, налож. плат. Цена с перес. 3 р. 75 к. Адрес: **ЛЕНИНГРАД**, главный почтамт, почт. яц. № 24.

Единственный по своей легкости общий циферный самоучитель **ДЛЯ ГИТАРЫ** **МАНДОЛИНЫ** и **БАЛАЛАЙКИ** с новыми песнями, романсами и проч. высылается за 2 р. 85 к. **ДЛЯ ГАРМОНИИ** (духр.) такой же самоуч., с 30 муз. вых. №№. Выс. за 2 р. 85 к. "Русско-Иностранная Книга". **МОСКВА**, ул. Герцена, д. 9/3.

БЕСПЛАТНО о любой книге даем справку, а также **ЛЮБУЮ КНИГУ** как старую, так и новую, в 3-дневн. срок высыл. налож. плат. Адресов.: Москва, Центр. Политехн. музей, 116/0 "КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ", тел. 3-43-52. На ответ просим прилагать марку.

Вы можете изучить у себя дома в любое время не отрываясь от вашей повседневной работы, следующие предметы:

1917 "ПОЛИГЛОТ" 1927

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ПРОСПЕКТ И УСЛОВИЯ
Адрес: **РОСТОВ н/ДОНУ**
Плата ежемесячно от 1 до 3 рублей.

ЗАОЧНЫЕ Промышл.-эконом. и художеств.-тех.ические курсы **"ПОЛИГЛОТ"**
По окончании курса учащиеся подвергаются испытанию в спец. комиссиях, комиссиями и получают соответствующее свидетельство.

ДЕЛАТЬ ВИНО
доступно обуч. дома каждому. Цисм. наставл. 1 р., выс. налож. плат. г. Новозыбков, почтовый ящик № 36.

Биллиардный мастер **А. К. ФАЛИН**
Ленинград, Чернышев п., 20. Т. 169-30.

ГОСМЕДТОРГПРОМА
ИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ С БОГАТЫМ СОДЕРЖАНИЕМ **ФОС-ФОРА**, ЛЕГКО УСВАИВАЕТСЯ ОРГАНИЗМОМ, ВОССТАНАВЛИВАЕТ И УКРЕПЛЯЕТ НЕРВНУЮ И КОСТНУЮ СИСТЕМУ

ПРОДАЖА во ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ и ГИГИЕНЫ СССР.
ЦЕНА 1 кор. в капсулах—60 коп. ■ ЦЕНА 1 кор. в таблетках—40 коп.
Высыпается почтой наложен. платежом не менее 5 коробок. — Пересылка бесплатно.
ВНИМАНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИТИНА: "Употребление фитина в желатиновых капсулах не имеет никаких преимуществ перед приемом их в виде таблеток и основано на привычке, привитой частными фабрикантами в целях удорожания и излишней наживы. ■ В таблетках имеется то же количество фитина, того же высокого качества. Число таблеток в коробке такое же, как и капсул в одной коробке. ■ Но упаковка в капсулы стоит значительно дороже, и потребитель, получая одно и то же, переплачивает за упаковку. ■ Употребляя фитин в таблетках, вместо капсул, Вы вместо одной коробки в капсулах за те же деньги будете иметь полторы коробки в таблетках".

ГОСМЕДТОРГПРОМ
А ДРЕС: **МСКВА**, Центр, Госмедторгпром, Отдел посылок № 7.

ПИСАТЬ и ГОВОРИТЬ правильно по-РУССКИ
будете, если приобретете "Новый орфографический словарь" содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Высыл. за три р. 25 к. Адрес: **РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА**, Москва, ул. Герцена, 9/3.

ВАЖНО СЕКРЕТАРЯМ,
делопроизвод., протоколист. и др. Вышло пособие по редактированию речей, докладов и т. п. Цена 1 р. Налож. плат.—1 р. 25 к. Гор. **ПЕРМЬ**, первым заочным курсам стенографии.

ИЗУЧИТЬ бухгалтерию, стенографию, каллиграфию (исправл. почерка) и сован. шрифт. **МОМЕТ НАНДЫ** У СЕБЯ ДОМА без помощи учит.
Подробн. сведен. высыл. бесплатно. **ЛЕНИНГРАД**, пр. Володарского, 58. Книжки. дело "ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ".

НОВОЕ ИЗДАНИЕ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС

Научно-популярный практический комментарий с дополнениями и изменениями по 15 августа 1927 г. С указанием подзаконности.

СОСТАВИЛИ ПРОФЕССОРА: М. Гернет, М. Гродзинский, А. Жижиленко, Б. Змиев, М. Исаев, П. Любимский и А. Трайнин, С. Ордынчик и Н. Рабинович.

Под редакцией М. Н. Гернета, и А. Н. Трайнина. С СОСТАВЛЕНИЕМ I. Сопоставительной таблицы статей старого и нового Уголовных Кодексов. II. Указатели юридической литературы. III. Основных начал уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик. IV. Положения о дисциплинарной ответственности и порядке подчиненности. V. Положения о дисциплинарных судах. VI. Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества и VII. Подробного алфавитно-предм. указат. Ц. 4 р. 50 к. Иногор. высл. нал. плат. Каталог—бесплатно. **КООПЕРАТИВ. ИЗД-ВО "ПРАВО И ЖИЗНЬ"** Москва, 34, ул. Кропоткина, 17/1.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЫ

для парикмахеров и хирургических целей.

Металлические, никелированные, большого размера американской конструкции, **ВСЕ ПРОБЕРЕННЫЕ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА** и шары к ним. Цена с перес. 4 р. 25 копеек. Высылаю три полученных и стоимост.

Адресовать **М. И. ГЕЙЛИНМАНУ. ОДЕССА.** Ул. Лассалы, № 11.

Новости! ВСЕМ ПАРИКМАХЕРАМ и САМОБРЕЮЩИМСЯ мастике "УСПЕХ".

Заменяя оселок, точит в несколько секунд все бритвы до желаемой остроты. Ц. коробки 1 р. Магаз. скидка. Высылаю налож. платеж. Гор. Таганрог, Кладбищенский пер., д. № 151. **Е. А. Роговой.** Имею охранное свидетельство за № 5781, выданное комиссией по делам изобретений при ВСНХ. Получена масса благодарств. писем. **ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДЕЛОК.**

Продажа в Москве в магазинах **ГУМ**, **Э. Браца**; Столешников пер., 4, и "Все для парикмахера и артиста" — Б. Лубянка, 16.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ на ФОРМЫ

ПЛИССЕ ГОФРЭ

образцы и руководство по требованию

А. ТУШНОВ. **МОСКВА**, Арбат, 7.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА "ЭЛЭМ"
МОСКВА. МАЛ. ДМИТРОВКА 17

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОРИИ W. M.—полюшок для уничтожения волос, где того требует раса и гигиена тела. Продажа в зеленых коробках. Ц. 1 р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к. Рост волос замедляется. **РОССЕТЕРСКИЙ ВОССТАНАВЛИТЕЛЬ** посевших волос, фл. 2 р. 75 к. **КРЕМ для БРИТЬЯ "ELEM EUXIS"** без воды, без мыла, без кисточки, экономия времени, туба 1 р. 25 к. Высыл. только по получении. 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены.